

ISSN 0130-2574

КОСТЁР

8 АВГУСТ 1987

КОСТЁР

8
АВГУСТ

1987

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1987 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Мальчик в матроске
очерк В. Верховского	2
Находка
повесть В. Травкина	6
Стихи твоих ровесников	15
Барабан	16
Шахрухия открывает тайны
очерк Е. Матвеевой	20
Древние китайские басни	24
Всесоюзный штаб
красных следопытов	26
Ступеньки в небо
отрывок из романа
Р. Брэдбери	28
Письмо младшему брату	30
Сказочный секрет
стихи Д. Родари	31
Артековцы	32
История Засамарской
слободы
очерк Р. Евилевича	33
Не называйте меня трудным!..	36
Зеленые страницы	39
Морская газета	42
Веселый звонок	44
Арчебек	46
Спортклуб «Кузнечик»	47

На обложке рисунок В. Цикоты

ЗДРАВСТВУЙ, СЛЕТ!

28 августа в Артеке начинается свою работу IX Всесоюзный слет пионеров.

Нужно ли ждать, когда вырастешь, чтобы стать уважаемым человеком? Как уже сейчас быть полезным людям, своему селу, городу, стране? Ведь ты не просто мальчик или девочка, а гражданин в красном галстуке. Значит, берешь на себя частицу ответственности за все, что происходит вокруг.

Почему вместо важных и интересных дел в пионерской жизни часто скучные «надо»? И так мало того, что хочется самому? Почему далеко не каждому хорошо, уютно в своем пионерском звене, отряде? Не всегда тебя могут защитить или поддержать в трудную минуту? Ведь наша пионерская организация существует не просто ради всех вообще, а ради каждого.

Как научиться добиваться того, что считаете нужным ты и твои товарищи, как преодолевать сообща любые трудности? Ведь ты — хозяин своей пионерской организации.

Эти вопросы были подняты твоими сверстниками на собраниях и слетах, во время общепионерской дискуссии. Кто, если не сами пионеры, должны решить, какой быть их пионерской жизни, пионерскому коллективу — боевой частичке организации юных ленинцев.

Тысячи сложных вопросов, мнений, предложений. О многих из них говорилось на XX съезде ВЛКСМ. Теперь предстоит обсудить делегатам слета пионеров.

Поэтому мы говорим с надеждой: «Здравствуй, слет!»

МАЛЬЧИК В МАТРОСКЕ

Так выглядит фотография, которую нашли аквалангисты в планшете погибшего летчика. В «Костре» она была опубликована в № 3 за 1986 год. Решив, что на фотографии — мальчик, мы тогда напечатали заметку «Мальчик в матроске»

НАХОДКИ «ХОМО АКВАТИКУСА»

Эта история сразу оказалась в центре внимания.

В Нарве о ней говорили в автобусах и магазинах, на заводах и фабриках и даже в детских садах.

Множество людей — рабочие и студенты, пионеры и пенсионеры высказывали предположения, давали советы, ждали публикаций в «Нарвском рабочем».

Александр Лебедев — шофер автобазы:

— Пришел вечером с работы, хотел включить телевизор. А тут жена: «Саня, сходи за хлебом». Когда шел из булочной, смотрю, мальчишки с нашего дома улицу перебегают. И волосы у всех мокрые, значит, купаться бегали — с Нарвы идут. Я и думаю: «Может, и мне, не заходя домой, сбегать окунуться?» Река у нас рядом, а жара весь день стояла такая — дышать нечем. И вот, только я нырнул — сразу и обнаружил. Я его рукой на дне коснулся. Чувствую, что-то твердое и ровное, а что именно — не понять. Снова ныряю, опять в том же самом месте. И так — несколько раз, ощупываю, ощупываю и вдруг понял — на дне реки лежит самолет!..

Алексей Порфиоров, вице-президент клуба аквалангистов «Хомо акватикус»:

— Что можно сказать о нашей работе? Она была очень трудоемкой. В момент падения в Нарву произошел взрыв,

части самолета оказались разбросанными на значительном расстоянии друг от друга. Чтобы их найти и поднять, мы должны были сначала исследовать большую площадь речного дна, а потом заняться размывкой грунта. Ведь даже кабина пилота скрылась в песке по самый «фонарь».

Каждый понимал — то, что мы делаем, это только начало — первый шаг к раскрытию тайны затонувшего штурмовика, любая мелочь — пуговица или чудом сохранившийся кусок карты, может иметь решающее значение. И нам повезло: в командирском планшете одного из летчиков мы обнаружили детскую фотокарточку. Для страховки решили ее перефотографировать. Никто же не знал, как «поведет» себя эта фотокарточка на воздухе, если она столько лет лежала под многометровой толщей воды. Иными словами, там же, на дне реки, мы сняли копию с оригинала и лишь после этого извлекли свою находку из воды. Наше решение оказалось правильным: копия изображения получилась четкой, а сам оригинал на воздухе буквально «растаял». Как видите, об этой находке я говорю подробно. А всего отдельных частей, железок, обломков подняли мы много.

Что еще сказать? За все дни работы под водой у нас не было ни одного чрезвычайного происшествия. А вот на берегу произошло самое настоящее ЧП. Во время подъема самолета собралось много народа, и один неосторожный ветеран

упал в Нарву. Хорошо, что упал на мелкое место, и его сразу вытащили.

Витя Ярославцев, ученик 5-го класса школы № 6:

— Самолет поднимали по частям, лебедкой. Сперва — одно крыло, потом — кабину, потом — пропеллер. Иначе было не вытащить. Народу собралось видимо-невидимо. Шли со всех концов города, как на демонстрацию.

Иван Григорьевич Романенко, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации:

— Война, сами понимаете, — это жестокая работа. И память о войне — тоже жестокая: не только мы сбивали фашистов, но и они — нас. И когда пионеры пригласили меня в Нарву, где был найден самолет, я подумал: «А вдруг это кто-то из моих гвардейцев лежит там, на дне реки?» Первая гвардейская истребительная авиационная дивизия Краснознаменного Балтийского флота, которой я командовал в годы войны, принимала участие в освобождении города Нарвы.

Но мое предположение оказалось неверным: поднятый самолет — это штурмовик, а в нашей дивизии штурмовиков не было.

Чья же это машина? Кроме нас, в небе Эстонии сражались другие летчики Балтфлота и летчики Ленинградского фронта...

Нарвский горком комсомола принял решение: дальнейший поиск доверить лучшим из лучших — следопытам пионерских дружин школы № 6 и школы № 10.

ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ

Пятнадцать месяцев поиска и — никаких результатов, ровным счетом ничего. Но что могут сделать мальчишки и девчонки, если даже ветераны при встречах пожимали плечами или разводили руками, а в письмах были предельно осторожными и не скрывали своих сомнений.

«Отвечаю на ваше последнее письмо. Вчера получил заключение криминалистической лаборатории по документам, найденным в планшете летчика, и другие материалы. Фактов набралось предостаточно. А что толку!

В годы войны в районе Нарвы погибли 82 самолета. И по тем данным, которыми мы располагали, разрозненным и противоречивым, установить — кто есть кто? — пока не представляется возможным.

Номера агрегатов самолета ничего не дают.

Только по заводскому номеру фюзеляжа можно узнать, в каком полку находилась боевая машина. А этого номера у нас нет.

Таким образом, дело гораздо труднее, чем мы предполагали.

Сложность поиска оказалась невероятной.

Надеюсь, это вас не остановит, и мы будем продолжать свою работу.

Всего вам доброго.

И. Г. Романенко,

Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант авиации».

ПАПА!
ОТ ГАЛИ!

Та же самая фотография, но из семейного альбома Тихомировых.

И на ней хорошо видно: мальчик это или девочка.

«Ваше письмо, адресованное начальнику Главного управления кадров Министерства обороны СССР, переслано в Центральный Военно-Морской архив.

Обращение следопытов за помощью в их поисковой работе в связи с обнаружением в реке Нарве останков экипажа самолета «ИЛ-2» встречено коллективом работников архива с пониманием важности за-

дачи и готовностью сделать все возможное...

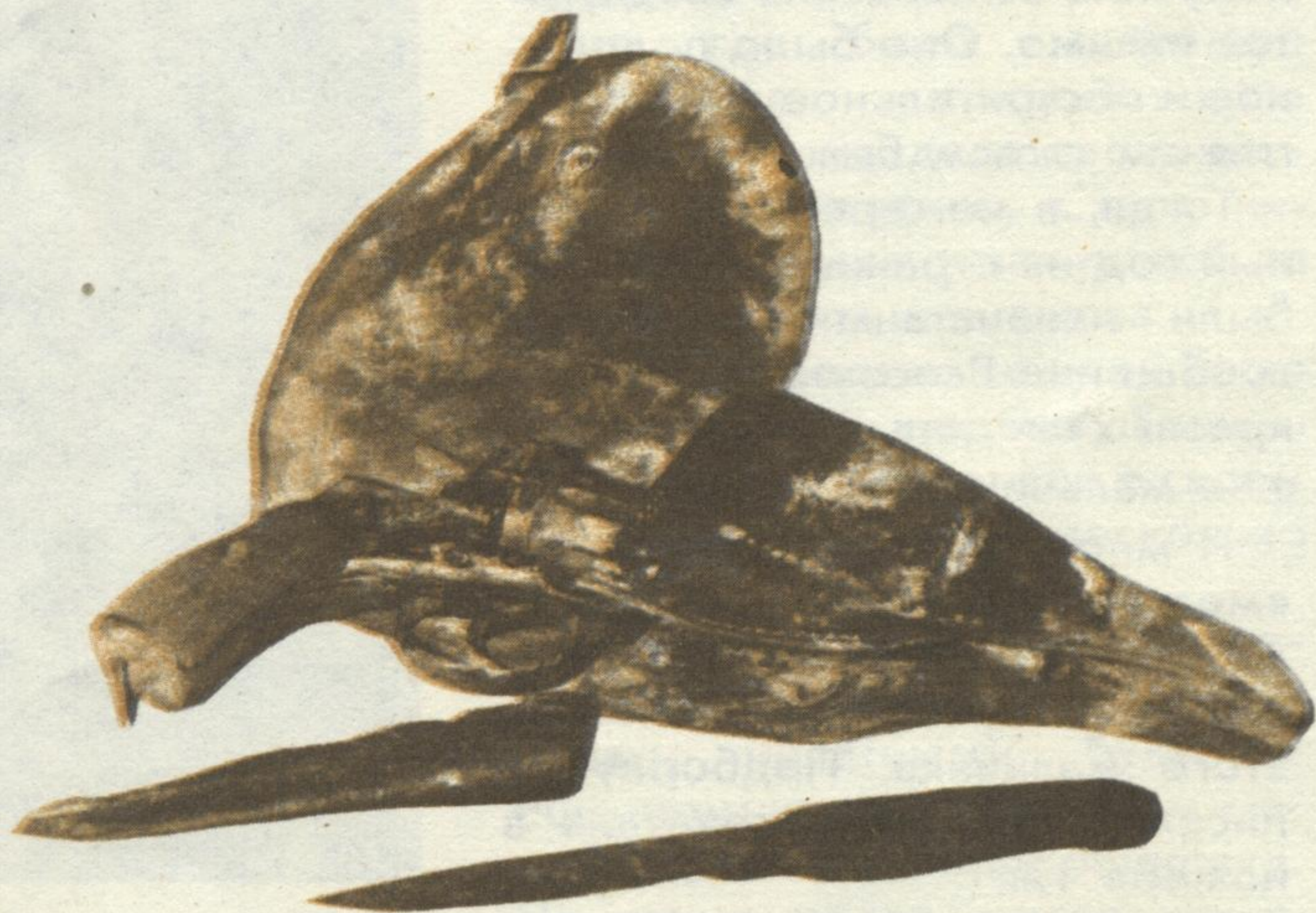
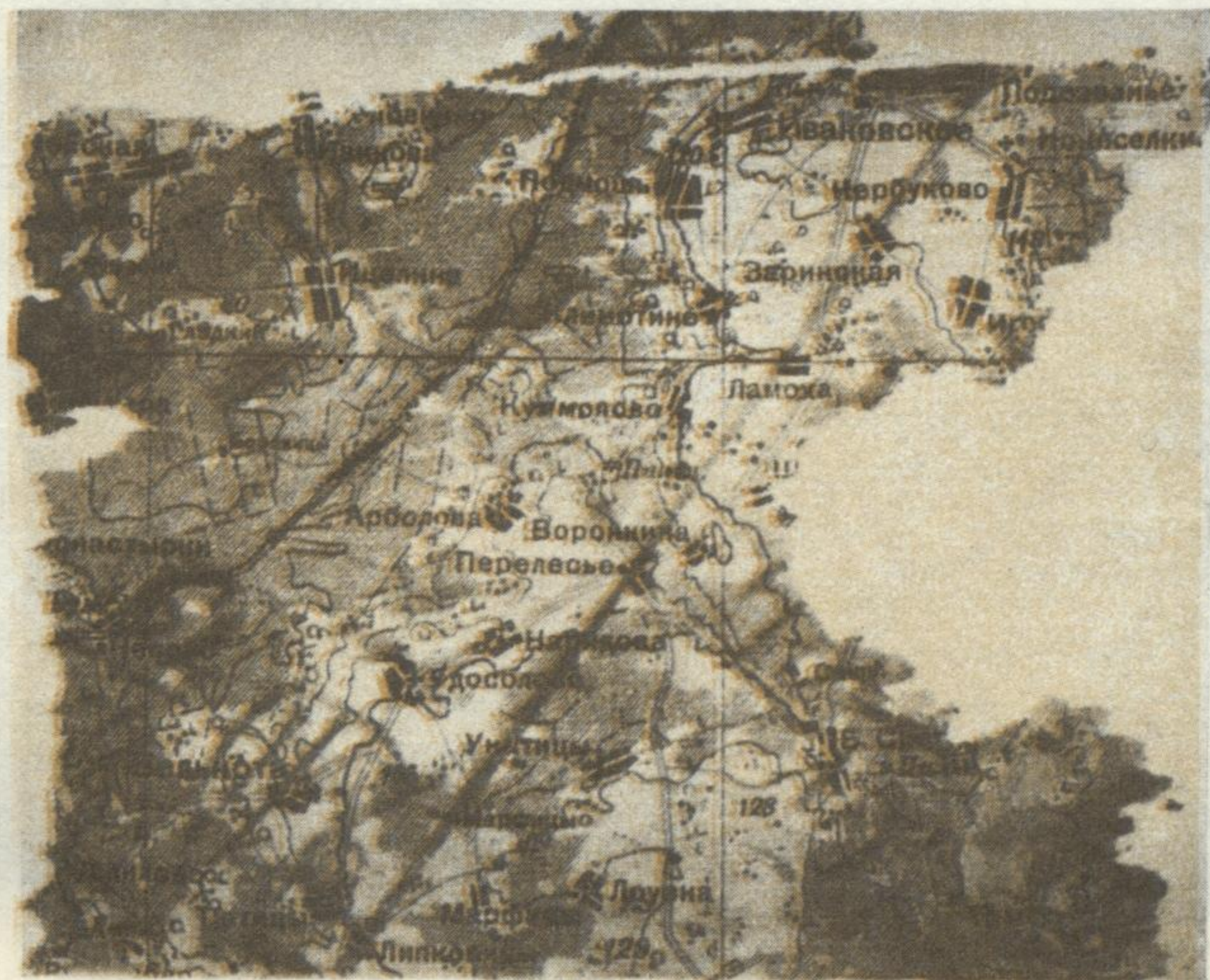
Начальник Архива Толстов».

«Кажется, кое-чем могу вас сегодня порадовать. Дни работы в архиве не пропали даром. Я нашел акты на списание потерянных или поврежденных самолетов. И в этих актах указаны не только заводские номера самолетов, но и номера моторов. А номер мотора мы знаем. Правда, в нашем номере — четыре цифры, а здесь все номера шестизначные или семизначные. Поэтому еще раз внимательно проверьте, может быть, не номер 7958, а как-то по-другому? Может быть, какие-то цифры мы не заметили? Далее, штурмовик, номер мотора которого заканчивается на 58, погиб 1 февраля 1944 года. Это самолет 7-го гвардейского штурмового полка 9-й авиационной дивизии КБФ. К сожалению, фамилии членов экипажа я не могу назвать точно. Моя гипотеза — старший лейтенант Тихомиров и лейтенант Бежанов. Но ее надо доказать. Почему? Во-первых, я хорошо знаю, во время войны приходилось летать и на «чужих» машинах, когда своя в ремонте. Во-вторых, в тот день, по архивным данным, погиб еще один экипаж — лейтенанта Певцова.

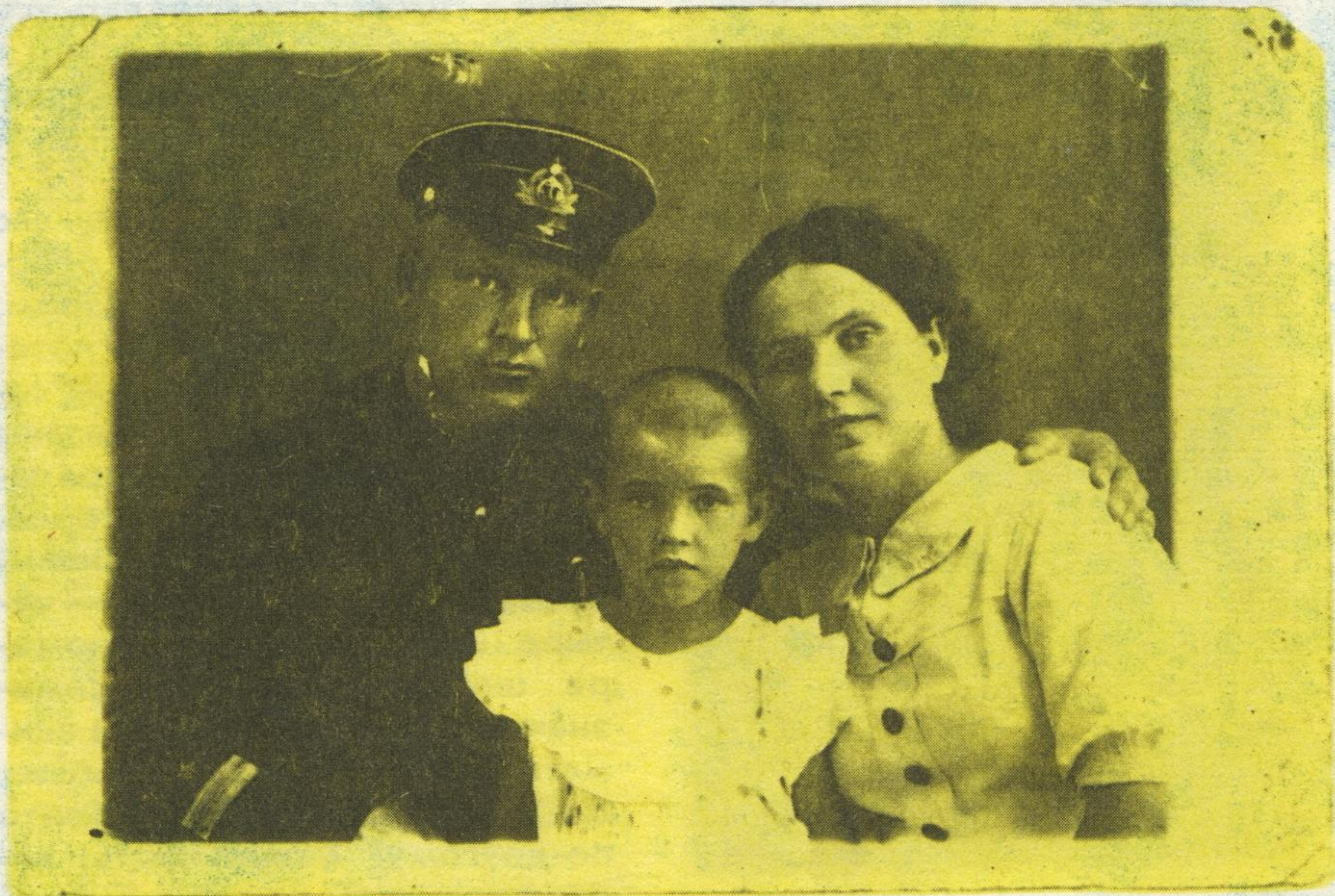
Какие у нас есть доказательства?

Если говорить по большому счету, только одно — фотография мальчика.

Погоны старшего лейтенан-

Карта района боевых действий и пистолет, найденные в кабине затонувшего штурмовика

Иван Григорьевич Тихомиров с женой Анастасией Георгиевной и дочкой Галей. Снимок 1940 года

та — это еще не доказательство.

Вот если бы в кабине штурмовика аквалангисты обнаружили хотя бы один орден Красного Знамени — тогда другое дело: у Бежанова было два таких ордена.

Жду, что и вы порадуете меня своими находками, успехами в нашем общем деле.

Алексей Михайлович Батиевский, Герой Советского Союза».

И снова — шли дни, недели, месяцы.

А потом редакция «Костра» получила от нарвских следопытов письмо. Оно было подробное и обстоятельное, но самым главным словом было «помогите».

Тогда, в номере 3 за прошлый год на страницах «Костра» были напечатаны экстренное сообщение Всесоюзного штаба красных следопытов и фотография мальчика в матроске.

И многие читатели журнала, вместе со своими папами и мамами, дедушками и бабушками стали участниками поиска этого мальчика. Подборку их писем редакция напечатала в номере 12.

Все искали, а найти не могли. И тогда я, автор этого очерка,

тоже стал искать. Но искал не мальчика в матроске, а... Леху-следопыта. Так звали шестиклассника, который двадцать лет назад жил в поселке Вырица Ленинградской области. Я помнил его — этот Леха мог найти выход из любого безвыходного положения. Фамилия его была Рябков.

Мы говорили уже минут тридцать или сорок, я и взрослый солидный человек, у которого жена, дети, работа.

Волнуясь, я называл его то Лехой, то Алексеем Алексеевичем.

— Понимаешь, такая история. Хочу, чтобы ты помог. Если не ты — больше никому.

Мой собеседник внимательно прочитал письмо из Нарвы, долго рассматривал фотографию мальчика в матроске.

— Дело серьезное, придется брать отпуск.

РЯБКОВ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Я думал, что в первый день отпуска Алексея Алексеевича мы составим план нашей работы. Но Рябкова не было. Он появился только через неделю. Стремительно вошел в комнату, так же стремительно поздоровался и, не ожидая вопросов, вытащил из кармана записную книжку.

— Был в Нарве. Разговаривал с криминалистами. Они убеждены: в найденных документах кроме фамилий — Злыгарев, Каверин, Артамонов и Долидзе больше ничего нельзя

Нарва. 1986 г. Почетный караул в минуты прощания с летчиками-балтийцами

прочитать. У пионеров тоже ничего нового. Все вещественные доказательства — ракетница, кусок карты, пуговица с якорем, револьвер системы «наган», погоны с тремя маленькими звездочками и хронометр, на котором имеется надпись «Г.О.КБФ 1943 г. № 99» — сейчас хранятся в сейфе директора школы № 6. Кстати, о хронометре. Ветераны надеялись, что по номеру хронометра возможно установить фамилию его бывшего владельца. Но передаточные ведомости за 1943 год не сохранились, и, значит, с этой надеждой следует расстаться.

По моей просьбе Герой Советского Союза Иван Сергеевич Банифатов вчера провел встречу ветеранов 7-го и 35-го авиаполков. Но никто из собравшихся не смог вспомнить ни Артамонова, ни Каверина, ни Долидзе, ни Бежанова, ни Тихомирова...

— Но мальчика в матроске мы все-таки найдем? Найдем? Ну, скажи...

И тут Рябков расхохотался:

— Никакого мальчика в матроске никогда не было. Это ошибка. Надо искать девочку в матроске. Помните гипотезу Батиевского? Так вот, когда я

был в архиве, я попросил принести учетные карточки и послужные списки Бежанова, Тихомирова и Певцова. И сразу все встало на свои места. Только Иван Григорьевич Тихомиров был старшим лейтенантом. Только Тихомиров — штурман и, соответственно, должен был иметь хронометр. И — что самое важное, — у Бежанова и Певцова детей не было, а у Тихомирова была дочь, Галя. И перед войной ей было примерно столько же лет, сколько вашему мальчику в матроске.

— Что же ты намерен делать?

— Много уже сделано. Читая послужные списки Ивана Григорьевича Тихомирова и Ивана Алексеевича Бежанова, я нашел ответы на многие вопросы: где они родились, учились, адреса и фамилии родственников. Соответственно, в первую очередь, меня интересовало все, что касается Тихомирова. Так вот, место его рождения — деревня Волонево Псковской области. Окончил Ейское авиационное училище. В этом же городе жила его семья. А во время войны жена с дочерью переехали в Саранск. Адрес был такой: улица Ленина, дом 40.

Нарва. 1986 г.
Галина Ивановна Тихомирова
у портрета своего отца

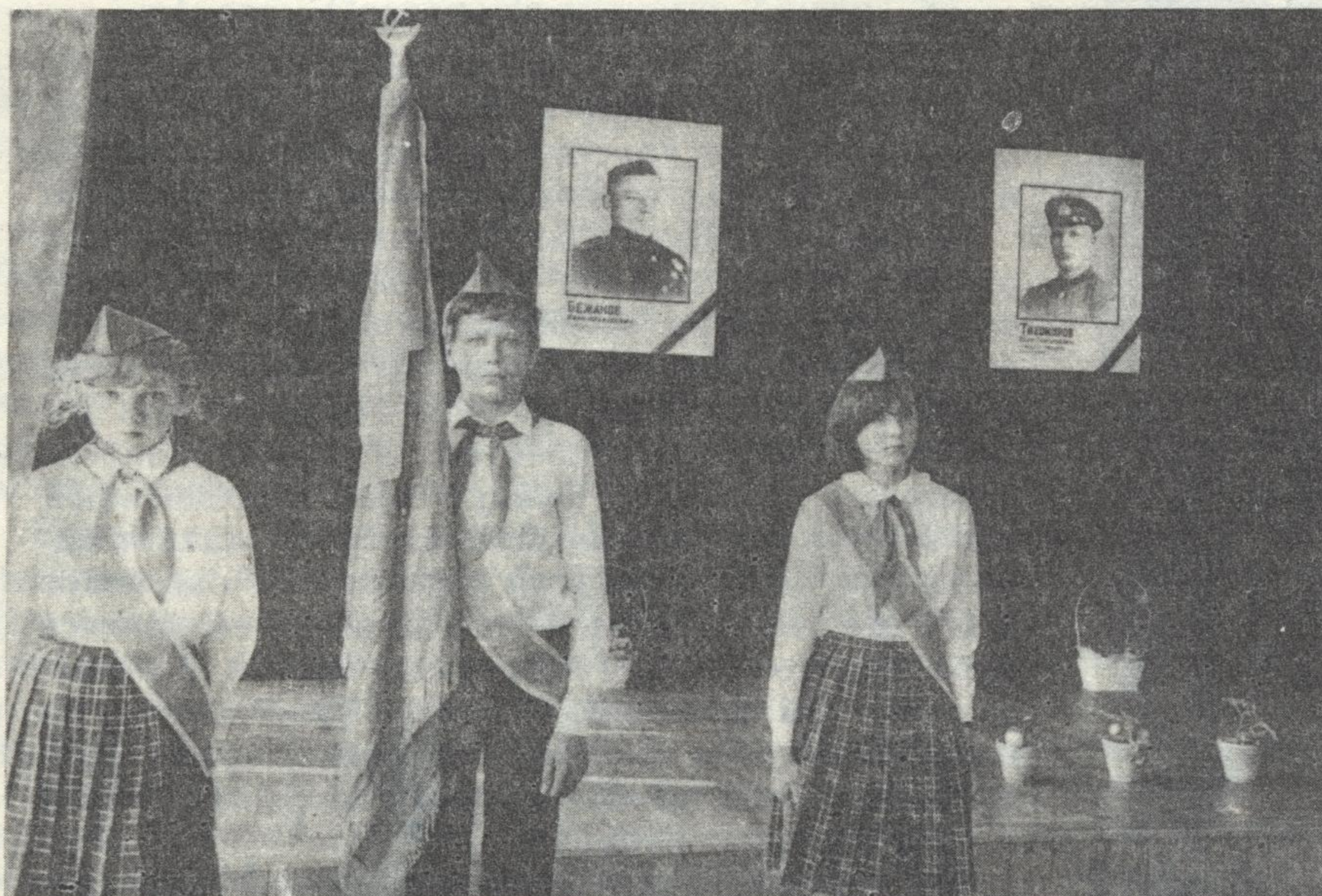
ВСТРЕЧА

Запорожская область. Город Токмак. Улица Садовая. От автобусной остановки к дому № 67 рано утром шел человек. Сначала он шел быстро, потом — все медленнее и медленнее.

Осторожно постучал в окно. На крыльцо вышла пожилая женщина. Спросила: «Вы — к нам?» «Да, Галина Ивановна, к вам, из Ленинграда. Моя фамилия Рябков», — сказал он и протянул номер пионерского журнала. На раскрытой странице, где было напечатано сообщение следопытского штаба, она увидела свою детскую фотографию. Стала читать, заплакала, извинилась за слезы и опять заплакала...

В сорок первом году ей было пять лет. И рассказ Галины Ивановны Тихомировой о своем отце уместился в несколько строк.

— Папа был добрый, веселый. Учил меня считать и писать печатными буквами. Еще помню, как с папой и мамой ездила в Новошербиновку. На улице росло много ромашек. Папа сплел из них венок,

Иваном Григорьевичем Тихомировым и Иваном Алексеевичем Бежановым

надел мне на голову. С этим венком они решили меня сфотографировать. Когда карточки были готовы, на обороте одной я написала: «Папе от Гали». Эту фотокарточку он очень берег. Уезжая на фронт, хотел взять с собой, но в спешке перепутал и взял другую. Первые годы войны он служил в Саранском авиационном училище. Мама говорила, что папа учил курсантов летать и все на фронт просился. Вы не знаете, как он погиб?

— Знаю,— сказал Рябков.— В полк он прибыл 29 января 1944 года, а 1 февраля не вернулся с боевого задания. Погиб в первом бою.

— Значит, адрес вам дала мама. Но как вы ее нашли, через столько лет, не понимаю?

— Если не считать, что писарь полка сделал две ошибки в названии деревни, в которой родился Иван Григорьевич, и что в Саранске давно нет дома и даже улицы, где вы жили во время войны, а домовые книги уже уничтожены, все остальное было делом техники. Но вы сказали: «Перепутал и взял другую». Это означает: «Папе от Гали» осталась дома? Она сохранилась?

— Конечно, сейчас вам ее покажу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через сорок два года и пять месяцев в земле, за которую погибли летчики, были захоронены их останки. И память о давней потере отозвалась болью в сердцах тех, кто провожал их в последний путь, и тех, кто принимал участие в нашем поиске.

«Мальчик в матроске»... Еще одна трагедия войны. Еще одна разгаданная, прочитанная судьба. И хорошо, что есть еще на нашей земле люди, отдающие свое время, силы, опыт благородной задаче — сохранению памяти о погибших.

Такие люди, как мой Леха-следопыт.

В. ВЕРХОВСКИЙ

НАХОДКА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Василий ТРАВКИН

Рисунки А. Лямина

Время наста — привольное весеннее время.

Зима, конечно, хороша, в ней своя отрада, своя прелесть. Но все же длинна русская зимушка. А уж как завьюжит, заметелит на неделю и больше — не возрадуешься, скучно станет. Зимой как ни бодрись, а все же чувствуешь себя как-то скованно, стесненно. Да и в самом деле: с крыльца утром сойдешь, все замело, запуржило, кругом сугробы, дорога в длинных наметах гривастых косиц, а шагнешь в сторону, давая дорогу трактору, рухнешь по колено, а то и по пояс.

Но вот разыгрались мартовские деньки. Солнце припекает к полудню, снег плавится, грузнеет, оседает с тихим летящим шорохом. С застрех тугой крученой пряжей, просверкивая в стеклах рам, срываются ручейки. И воробьи, суматошно чирикают, отважно бросаются в наплесканные под карнизами домов лужицы с раскрытым клювом, окунаются с головой, трепыхаются так, что летят во все стороны брызги.

Пять-шесть пригревистых солнечных дней — и снег обмелел чуть ли не наполовину. Нет, он не сошел, не растаял, до первых потаенных подсугробных ручьев-звончков еще не близко, — он просто уплотнился, огруз и солнцу еще немало надо потратить сил, чтобы освободить изнемогшую природу от его холодных объятий.

Подтаяли дороги, потеряли зимнюю крепость. По тропе идти вообще одна маята. Она возвышается над гладью осевшего снега кособоким ребром, сапоги скользят, разъезжаются, голенища то и дело черпают голубоватую льдистую кашу. На лыжах в эту пору и не суйся, — десять, двадцать шагов по хрустко проседающей целине — и снегу налипнет столько, что ногу не сдвинешь.

Но зима не уходит покорно, она нет-нет да и даст о себе знать, покажет свой строптивый нрав, не зря же сказано: «Взбесилась ведьма злая...» — то запуржит колкий куржак, то повалят отвесно мокрые непроглядные хлопья, — облепленные деревья обвиснут, наклонятся, а слабенькие, не выдержав тяжести, рухнут как подкошенные, распадаются белыми ветками. А то жахнет однажды ночью по-январски морозец, все оцепенеет в его жесткой хватке, снег застынет, смерзнется чуть ли не до земли — снег станет настом. А утром, как ни в чем не бывало, — солнце улыбочливое, неба переливающаяся лазурь, гортанные крики прохаживающихся по вынаственным огородам грачей и звон капель с карниза.

Вся деревня пробует наст на прочность. Мальчишки, вбежав на горбатый сугроб, прыгают, топлют, бьют каблуками, — нет, не проваливается,

беги, кривуляй куда хочешь, везде дорога торная, широкая, бесконечная.

Рады насту хозяйки, скорее разворачиваются со стиркой, прополосканное в проруби белье растилают по насту. Вылежится оно, вымерзнет до первозданной белизны, внесут его охапкой, ворохом в дом, положат на лавку, — по всей избе ядреная терпкость солнечного снега.

Все рады насту, все благодарят наведавшуюся ночью зимку, — потрафила, что хорошо, то хорошо.

И только егеря, охотоведы, лесники, объезжая свои участки, вздохнут сокрушенно, беспокоятся, — не вся лесная живность до насту охоча, иному зверю эта льдисто застывшая корка не просто помеха, она всегда коварна и часто грозит гибелью.

Венька Соловьев, самый младший из жителей лесной деревушки Пеньки, проснулся, взглянул на освещенную солнцем переборку и кубарем скатился с кровати. Одевая форменные брюки, торопился, все поглядывая на сияющие лучиками, зависшие над пролетом рамы, остроконечные сосульки.

Штанины путались, ступня никак не пролезала, он прискакивал на одной ноге, тянул на себя брюки, а сам все зыркал в окно, — на самой длинной сосулке дрожала и переливалась крупная капля. Венька скакал уже на другой ноге — капля разбухла, накалилась густым светом, а все висела. Наконец она вытянулась сосочком и алмазно просверкнула за стеклом.

Венька сунул босые ноги в материнские валенки, накинул на плечи куртку и опрометью на улицу. Его несло какое-то необычно радостное чувство свободы и легкости. По самому себе, неясным ускользящим признакам он уже ощущал сегодняшнюю благодать обновленной за ночь природы.

Венька смело влетел на просевший у тына сугроб. Странно, словно Венька совсем невесомый, — сугроб держал на своей переливающейся кристаллами ладони, не проламывался, даже не прогибался, только похрустывал.

Венька сновал туда-сюда, суетился, но вдруг

замирал, смотрел за околицу, — расстилались вокруг белые холсты снегов, словно бы чуть подсиненные в низинах. Это что же получается, — беги в любую сторону, и никаких тебе кочек, ям, несись во всю прыть навстречу простору!

Вышел отец на крыльцо, на плече пузатая полевая сумка, из нее торчит заткнутая пробкой бутылка с желтым топленным молоком. Отец работает токарем в мастерской на центральной совхозной усадьбе в селе Крутики, уходит на весь день, вот мать и набивает ему впрок съестного.

— Чего тут кружишься, марш домой, пора собираться, — строго сказал отец.

Он вообще строгий, Веньке кажется, что даже суровый, сердитый, — не раз получал от него трепку за двойку в дневнике, за непослушание — рука у отца тяжелая. Венька старался убедить себя: поделом наказан, — но в то же время чувствовал какой-то неподдающийся рассудку, внутренний протест отцовской воле. Он подчинялся требованиям, исполнял жесткие наказания, но в то же время было ясно, что он не в ладу с отцом и на душу исподволь ложился горький осадок отчуждения и недоверия.

— Ты слышишь?

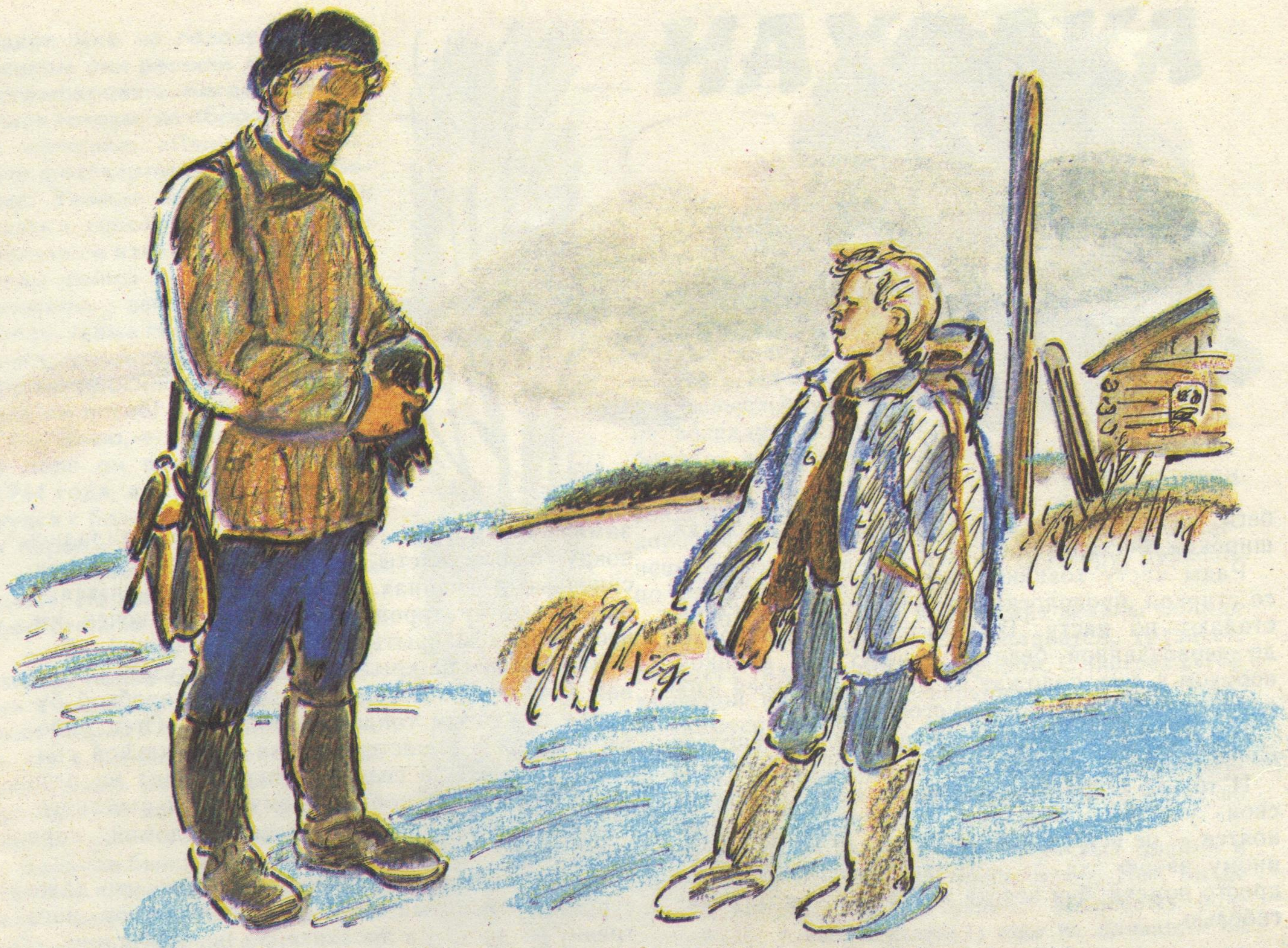
— Я успею, папа! Наст толстый, держит, я пойду напрямки через болото. Ты тоже иди прямо, не бойся, — он крепкий, удержит.

— Думаешь? — засомневался отец. Однако свернул с тропы, чуть приседая, осторожно прошелся по гулко отдающемуся на каждый шаг панцирю. Потом топнул, вдарил каблуком — держит, и пошел отмерять быстрые бодрые метры, — хруст-хруст, хруст-хруст. Уже выйдя за околицу, крикнул:

— Вернешься, сделаешь уроки, и в лес рубить тычинник! Понял?.. — в голосе его звучала обидой задевающая душу властная непреклонная нота.

Венька вбежал в избу запыхавшийся. Мать стучала ухватами, в печи что-то кипело и выплескивалось на под, от шестка тянуло дрожжевым тестом и поджаренным луком.

Венька подскочил к умывальнику, застучал стержнем, вода в подставленную лодочку ладоней хлынула обжигающе холодная, ногти заломило как пристукнутые. Венька плеснул в лицо — по

щекам, по шее пошла легкая судорога,— заработал локтями, зафыркал.

Мать высунулась из кухни:

— Почто ледяной-то, обожди добавлю кипяточку.

— Надо закаляться,— замотал головой Венька, шепелявя забитым пенящейся пастой ртом.

Сорвав с гвоздя полотенце, по всем правилам — показывал на уроке физрук Анатолий Константинович — растер лопатки, грудь, шею и тут же почувствовал, как ознобшее тело наливается ласковым, туманящим взгляд, жаром.

— Что сегодня не торопишься, Вениамин? — сказала мать. Когда ей хотелось подбодрить его, озаботить, она называла его полным именем. Венька и сам чувствовал, как это действовало,— он как бы выросл сразу, словно бы ума прибывало,— становился рассудительней и серьезней.

— Мама, разве ты не знаешь — сегодня наст. Я пойду прямо через болото и сэкономлю тридцать минут.

— Удержит ли на болоте, в деревьях наст слабее.

— Удержит, я знаю. В прошлом году так же было — держал.

Венька уже завязывал галстук. Концы никак не подравнивались, сморщенный мыс на спине уползал в сторону.

Мать подошла, перевязала по-своему. Венька сразу отметил — галстук теперь краснел словно бы свободней и ярче.

Наскоро перекусив, вскинул через голову на лопатки портфель. Мать едва успела сунуть в карман ватрушку и уже вдогонку наказала:

— Вениамин, я сегодня приеду поздно, в Клинцах на ферме буду делать прививки. Ты, как вернешься, подой корову и напой теленка.

— А сена дать?

— И сена дай. И вообще — посерьезней.

— Ладно, коли так,— и Венька хлопнул дверью.

Он выбежал за огороды, свернул с тропы и понесся по сверкающей снежной равнине. Бежалось легко, наст чуть проседал и слегка пружинил, портфель дергался и стучал в спину. Снег неистово переливался, вспыхивал разноцветными искрами,— рябило в глазах, Венька жмурился, хватал острый, сушащий горло, воздух, и летел, не чуя ног,— под уклон его несло как бы само собой.

Дорога все отдалялась, уходила влево, она тут делала петлю, огибала болото.

Сначала пошли кусты и высокая с мягкими метелками трава. Кусты Венька обегал, а сквозь траву ломился с треском.

Потом пошел низкорослый раскидистый соснячок, торчащие, нахлобученные белыми беретами, пни, кочки.

Венька остановил свой бег, разглядывая приметы болота. Подошел к сосне. Ствол ее испещрен извилистыми трещинками, кора шелушилась. Оторвал полупрозрачную пленку, посмотрел сквозь нее на солнце,— огненный круг полыхал жаровней, дымные косматые рукава отслаивались и таяли в бездне.

Венька спрятал пленку в карман, дотянулся до ветки, сорвал плотную шлемовидную шишку. Она казалась литой, изумрудной. Бугристые чешуйки, плотно сомкнувшись, хранили до поры до времени вызревающее, неподвластное даже лютomu морозу, семя. Хотелось добыть семечко,— ничего не получилось, надломил только ноготь.

Побежал дальше. Увидел овальные вмятины, догадался: отец шел. Некоторое время бежал по его следу.

Вдруг Венька вспомнил: болото ведь клюквенное. Осенью ходили с матерью по закрайку, набрали стаканов пятнадцать. Мать говорила еще, что в глубине самая ягода, только идти туда опасно, кругом ямы, топь. И будто бы лет тридцать назад потонула там одна бабка,— забрела, позарилась на ягоды.

Венька сапогом сбил коросту с кочки, присел, разгреб льдистые крошки,— сквозь белизну примерзшего к мху снега полыхнула каленая россыпь ягод. Венька выскреб крупную ягодину, бросил в рот, прижатая десна сразу заныла, шевельнул языком,— ледяная горошина со стуком прокатилась по зубам. Оттаяв клюквину, Венька раздавил ее, во рту разлилась терпкая, со взбодряющей кислинкой, сладость.

Принялся выцарапывать ягоду за ягодой, четыре пригоршни упрятал в накладной карман куртки,— будет чем угостить школьных друзей.

Венька потряс озябшими ладонями — подушечки пальцев жгло, щипало,— и припустил по отцовскому следу.

Крутики стояли на взгорье, а школа — на окраине в самой высокой точке. Поле шло на подъем, но бежалось все равно легко. Венька сквозь отраженный, колко высверкивающий в чистом воздухе, свет прицельно шурился,— уже виден утопанный двор, ступеньки крыльца, перила. Сердце его екнуло, ноги потеряли упругость, отяжелели,— на дворе никого не было. Чего уж теперь бежать, Венька перешел на шаг и мимо окон прошагал независимо, сдержанно.

Повесив в раздевалке куртку, подошел к классу и после минутного замешательства открыл дверь.

Анна Михайловна вскинула руку, посмотрела на часы, осуждающе покачала головой и велела садиться.

Дальше пошло все своим чередом.

Повторяли пройденное: падежи, склонения, всякие там «дополнения, определения, обстоятельства». Венька не очень вникал — всего три дня назад его спрашивали, правда, он получил тройку, но все равно очередь дойдет теперь до него не скоро — и он, что называется, считал за окошком ворон.

— Соловьев?

Он не поверил ушам своим, лишь встревоженно напряжился.

— Соловьев, оглох, что ли,— к доске.

Растерявшись, отвечал он робко, сбивчиво и все больше не верно: перепутал склонения, не сумел определить спряжение глагола. Анна Михайловна пыталась его вытянуть, «гоняла по учебнику», но безуспешно, он запутывался на самых простых вопросах.

Наконец она вздохнула, развела обескураженно руки, дескать, ничего не поделаешь, не обессудь, и поставила в дневник двойку, да еще приписала на полях внизу: «Опоздал на пятнадцать минут».

Венька сел как пришибленный. Однако к концу уроков огорчение незаметно рассеялось. Клюква мальчишкам понравилась, они пощелкивали оттаявшими ягодами, причмокивали и преданно кружились вокруг Веньки.

Домой бежал опять через болото, не задерживался, тут уж не до ягод было,— хозяйские дела не отсрочишь, не переложишь на завтра. Он всегда умело и в охотку управлялся по дому.

Переодевшись, Венька взял подойник, баночку с вазелином и спустился во двор. Корова стояла, положив морду на жердь, смотрела большущими добродушно мигающими глазами. Она любила Веньку и всегда, когда он подходил к ней, успевала цапнуть его за полу шершавым, как рашпиль, языком.

Венька на этот раз увернулся от ее языка, набрал охапку сена позеленей, бросил в кормушку. Корова уткнулась, зашевелила ушами, захрупотела. Теленок в загородке взбрыкнул, стукнул копытцем в стенку и замычал.

— Экий ты, Артист. Не терпится. Обожди, сейчас,— приласкал его Венька.

Потом взял низенькую скамейку, подставил к корове, сел, обтер вымя, смазал вазелином соски и стал доить. Венька доил сноровисто, уверенно. Это нравилось корове, она жевала жвачку, косила оранжевым глазом и легко отдавала молоко. Подойник звенел под тугими быстрыми струями.

Пена пузырилась уже под самым ободом. Венька тщательно счиркивал последние струйки,— самые жирные, говорила мать.

На кухне он процедил молоко сквозь марлю, тут же налил блюде мяукающей кошке и целых полведра теленку.

Напоить теленка не так просто, он тыкался упрямой лобастой головой, норовя выбить зависшее ведро. Венька изворачивался, обманым движением руки отвлекал его и тут же опускал ведро в угол. Две минуты — вот уже раззадорившийся Артист сопит и бьет тупым рыльцем в дно,— Веньке удивительно: вот это скорость!

Корова тоже ждет свою норму, но этой надо еще приготовить.

На шестке чугуна с вареной картошкой. Венька взял березовый катышек, растолк прямо в чугуне, а затем уже вывалил в шайку с травяным зеленым отваром, разболтал пару горстей муки, подсоллил. От пойла ароматно и сытно пахнет,— еще бы не пить корове. Она и пьет, утопив ноздри, шарообразные глотки прокатываются по ее мягкому длинному горлу.

Курицы квохчут назойливо, стучат пустыми клювами, требуют корм. Ну, с этими совсем просто.

Венька зачерпнул в ларе плошку овса, сыпанул на фанеру — курицы с толкотней сомкнулись, запрокинули дергающиеся шалашики хвостов, — пошла работа.

За стол Венька сел заслужившим свой трудовой обед работником. Вылебал тарелку щей, умял остаток картофеля, выдул кружку молока.

По радио передавали песни про войну. И хорошо было сидеть у окна согретому, сытому и слушать, представлять, как «уходили в поход партизаны» и как они здорово «угощали» «незваных гостей»!

«Хорошо-то хорошо, — Венька восторженно воскликнул, — но дело само по себе не делается».

Одел потрепанную буднюю одежку, подпоясался ремнем, выбрал топорик полегче и направился в лес. По закрайку стеной стояли молодой ивняк и осина. Отмякшие стволы валились с одного замаха. Вырубив десятка два тычин, снял ремень, захлестнул комельки и потянул волоком.

Солнце садилось. Наст наливался розоватым свечением и словно бы плавился.

Уже в потемках сел за уроки, раскрыв дневник, сокрушенно вздохнул: вообще-то с русским у него не ладно, надо подтянуться.

Скоро пришла мать — запахло сладковато-душным йодом.

Следом за ней появился и отец. Венька слышал, как он, неуклюже похрапывая, топтался у вешалки, снимал пропитанную мазутом телогрейку, и уже догадывался, что это значит.

— Ты чего, опять, да? — донесся сдержанный голос матери.

— А-а... — небрежно протянул отец. — Ерунда это... Кхе, кхе... Пару болтов одному выточил, — не откажешься, надо уважить...

Тяжело прилепывая босыми ступнями, отец подошел к столу. Венька чувствовал затылком его сопящее дыхание.

— Ну что, ученик? Кхе, кхе, — отец раскрыл дневник и стал листать толстыми, в подтеках блестящего масла пальцами, оставляя на листах жирные пятна.

Венька весь взъерошился, закипел.

— У тебя руки грязные, не трожь! — он отбросил ладонь отца, но тот уже успел высмотреть его сегодняшней «успех».

Отец обреченно, с какой-то угрюмой подавленностью, отвернулся.

— Обрадовал... Эх ты, неуч... Да еще шлялся где-то почти пол-урока...

Венька, не помня себя, что-то шептал, — строчки кривлялись и уплывали.

Отец молчал, жестко сопел. Венька знал: этим не кончится. Резкий голос заставил его вздрогнуть:

— Грязные руки!.. Мозги у тебя грязные!..

Шлепок в затылок был увесист и неожидан, Венька едва не слетел со стула.

На крик выбежала мать:

— Михаил, успокойся, ну что ты в самом деле!..

Венька, напружинившись, сдавливая подступившую дрожь, ждал нового подзатыльника. Но отец отошел, нервно застучал портсигаром, доставая сигарету.

Это было ясно: надо уткнуться и замереть, — провинился, проштрафился. Венька, кусая губы и горестно хмурясь, пялился в учебник, — ничего не шло, он просто делал вид, что занимается.

Отец лег на кушетку. Пружины скрипели под его могучими лопатками. Дым от сигареты слоисто тянулся к незашторенному черному окошку.

Венька сидел, не шевелясь, может, час, а может, два часа. Отец повернулся на бок — пружины под ним так и завывали, — через две-три минуты он захрапел.

Мать тотчас подошла к Веньке, ласково обняла за плечи:

— Хватит маяться-то, родной мой, ложись-ка лучше спать, а завтра встанешь с восходом и на свежую голову...

Венька расслабился и вздохнул, — легки и отрадны слова матери.

Всю неделю подмораживало. Солнце, конечно, ярилось, подьедало сугробы, лучи так и жгли. К вечеру наст подтаивал, терял крепость, так что даже легкий Венька проваливался. А на другой день опять ударял ядреный утренник, опять наст во всей своей красе и силе, — гуляй, не признавая дорог, свищи ветром в поле.

За неделю Венька вдосталь запас тычинника. Тут и отец заметил, похвалил за старание.

А на воскресенье — задание школьное: собирать сосновые почки. Венька знал приметное местечко. За приречным полем среди старого осинника есть песчаная гривка, поросшая молодыми кужлявыми сосенками.

Венька вышел пораньше. Солнце только всходило, лучи скользили по белой глади, стволы березок у бани в ледяной прозрачной сорочке посверкивали, стена дома уже успела отволгнуть и курилась сизым парком.

За огородом мать расстилала прополосканные простыни. Они схватывались сразу и корбились, словно от жара, легкие царапающие звуки растекались по сугробу.

— Вениамин, ты хотя бы позавтракал, — сказала мать озабоченно.

— Ничего. Я взял краюху и соли. Я ненадолго.

Венька шагал твердо, выдерживая широкий мужской шаг. Он шел, а мать смотрела вслед, и ему хотелось выглядеть в глазах матери самостоятельным и серьезным молодцом.

Он взглянул вправо, влево. Чиста и раздольна вымощенная морозом околица, — и тут же забыл все свое притворство, игру в солидность — понесся вырвавшимся на волю, взбрыкивающим теленком.

Венька живо перепорхнул поле, угнул голову, пробился сквозь ивовое сплетение подлеска, миновал сумрачную гряду елей и вышел в светлый зеленоствольный осинник. Он знал, пройдя около ста шагов, надо повернуть влево к реке. Гривка, поросшая ершистыми, вздорно растопыренными сосенками, возвышалась крутой подковой. Осины тут расступались, как бы давая свободу этому молодому, по праву заселившему песчаную косу, семейству.

Венька вытащил целлофановый пакет, принялся

сощипывать продолговатые, обметанные крупчаткой смолы, почки. Смола прилипла к пальцам, разрастались темные, сковывающие движения, коросты. Венька несколько раз вытаскивал складничок, скоблил ладони. Пряный запах вытопившейся живицы щекотал в носу.

Потом он перешел на другую сторону гривки. Тут скат покруче. Галоши поехали, Венька не успел схватиться за ветку и его вынесло к толстой дуплистой осине. Венька резво вскочил, опершись о ствол, заправил в голенище выбившуюся штанину и увидел среди деревьев широкие округлые проломы. Подбежал, удостоверился, — следы сохатого. Присел на колени, вгляделся в отвесно пробитую темную дыру — глубок еще снег. И тут заметил на стеклянisto зазубренном ободке отверстия розоватые сгустки оплывших комочков. Венька осмотрел соседнюю ямку — та же картина. А потом убедился, что и каждый шаг зверя отмечен вкраплениями застывшей крови.

Венька с бьющимся сердцем безрассудно побежал по следу. Ох, этот бесконечный осинник! Сохатый, словно почувствовав его равнодушную безысходную глухоту, стал мотаться, — след пошел рваный, кривулями. Снег тут окроплен обильней и гуще.

Все чаще проломы, порой зверь вообще топтался на месте, — наст вздыблен, пластины торчат ребрами, никаких следов не разберешь: Венька замер:

в проволочно свившемся ивняке что-то темнело. Вытягивая шею, словно бы крался, позабыв о хрусте наста. Раздвинул ветки, затаив дыхание, — на продавленном снегу лежала молодая лосиха. Она пыталась подняться, судорожно сучила ногами, дергалась комолой головой. Встать не удалось, — лосиха раздувала ноздри и дико косила взглядом. Подойдя, Венька увидел ее запекшиеся, содранные до костей, колени. Лосиха была измучена, истощена. Кусты — насколько ей удалось дотянуться, — обглоданы.

Венька поспешно вытащил краюху, сыпанул по ноздристому срезу щедрую щепоть соли и, вытянув руку, осторожно с остановками стал приближаться. Лосиха смотрела неподвижным каким-то, остолбенело-обреченным взглядом. Краюха уже зависала над ее шелковистой вздрагивающей губой, — лосиха брезгливо фыркнула — по коже прокатилась рябь судороги — и забилась, задргала непослушными ногами.

Выронив краюху, Венька испуганно отскочил, спрятался за кусты. Лосиха все билась, запрокидывалась головой, пачкая сочащейся сукровицей перетолченный в крошку наст.

— Ну, успокойся, успокойся же!.. — шептал Венька суматошно. — Ну, обожди, я сейчас, ты не бойся, я сейчас!..

Сделав несколько слепых шагов назад, он повернулся и понесся в деревню.

Прибежал взмокший, грудь нараспашку, задохся, едва выговорил:

— Папа... папа... там ло... лосиха... Она... лежит... не встать ей...

И только спустя минут пять смог объяснить толком.

Отец быстро собрался, позвал соседей, — Ивана Кузьмича с сыном Алексеем. Все пошли на пустующую конюшню, откопали придавленную сугробом дверь, выволокли оплетенные с широкими изъезженными полозьями розвальни. Подумав, вывернули из заверток оглобли — будут мешать в лесу, — а вместо них прихватили висевшие на стене вожжи и два сыромятных чересседельника.

Розвальни сначала пошли с упором, на снегу оставались грязные полосы, но уже через минуту другую полозья попритерлись, заскользили легко и податливо. Проехав Пеньки, отец постучал в наличник стоящего на отшибе дома, позвал хозяина Расходова, еще крепкого семидесятилетнего старика.

Мужики шли по сторонам розвальней, положив на раскосины ладони, — сани катились как бы сами собой. Алексей даже предложил Веньке сесть, — занятно же прокатиться в этой необычной упряжке. Но Венька насупился, зыркнул сердито, — в такой-то важный час до забав разве!..

Наст держал хорошо. Пригревистое солнце ласково румянило щеку. Синеватые тени ног размашисто стригли белое покрывало.

Подшли к лесу. Венька обогнал розвальни. Он чувствовал себя проводником и выказывал старание, — забегал вперед, совался в стороны, показывал, где лучше пройдут сани. Иногда раскосины застревали. Подходил Алексей, резкими ударами топора валил деревце. Пробрались в осинник, здесь прогалы свободней. Венька вел уверенно, сани покатались скорей.

Лосиха лежала, ткнувшись губами в снег, поникшие уши зябко подергивались. Когда стали подходить, она очнулась, попыталась подняться, с отчаянием дернулась головой, вскинулась на колени, но не удержалась и завалилась на другой бок.

— Придется связать ей ноги, — сказал Иван Кузьмич.

— Ишь ты! А? — кивал старик Расходов. — Вот это наст — вся кожа в клочья. Да это — ладно, заживет, сухожилия вроде целы.

Отец с Алексеем прижали вытянутые лосихины ноги, а Иван Кузьмич ловко захлестнул их чересседельником.

Подкатали розвальни, запрокинули, подвели раскосину под бок, дружно взялись и в один момент перекатали лосиху через спину в оплетенный короб саней.

Лосиха словно уже смирилась с участью, лежала неподвижно. Она лишь измученно фыркала, в мглистых глазах ее горел лихорадочный ужас.

В лесу пришлось попыхтеть, — тянули воз в подъем, да и полозья проседали, резали борозды. Но когда пробились в поле, в этот до свечения, до каления раскопчегаренный солнечный котел, вздохнули облегченно, просияли отрадными улыбками, — вот она деревня-то, рядом.

Венька шагал с бьющимся сердцем, жалостливо смотрел на понурившуюся лосиху.

— Куда мы ее, бедолагу, — на ходу вытирая шапкой лысину, сказал старик Расходов. — К вам, Михаил, надо.

— А еще куда же, конечно, к ним, — подхватил Иван Кузьмич. — Как раз и ветеринар к месту...

— Придется. Надо выхаживать, как же, — согласился отец, оценивающе приглядываясь к лосихе.

— Молодая еще, опыту нет, поосторожней бы, перестоять бы ей эти дни в укромном местечке, — где там, гулять надо, — сокрушался старик Расходов.

— А, может, волки гоняли? — тревожно спросил Алексей.

Иван Кузьмич аж остановился, удивленный наивностью сына:

— Волки... Что мелешь? Волки есть волки, неужели бы они отступились?

— Тогда собаки. Слышал я дня четыре назад — гавкали.

— Так собаки или волки?

Выручил старик Расходов:

— Собаки могут, этим шавкам все равно, лишь бы за кем гоняться.

Притолкали сани ко двору. Отец открыл одну створку ворот, вынес брезент. Переложили слабо сопротивляющуюся лосиху на его широкую полу и волоком втянули во двор.

— Вот тебе новое обиталище, — сказал Иван Кузьмич, похлопав по лбу безучастно сопящую пленницу.

Корова, зачуяв дикий запах лесного зверя, шумно втягивала воздух, косилась и устрашающе топала ногой.

Мужики разошлись. Отец принес ножовку, топор, гвозди и сразу принялся сколачивать загородку.

Вскоре пришла мать с чемоданчиком, помеченным синим крестом. Осмотрела лосиху, повздыхала, покачала головой. Но за дело принялась расторопно и смело, — обстригла слипшуюся шерсть, промыла разрывы марганцовкой, затем обильно присыпала раны каким-то порошком и забинтовала.

Венька суетился, что называется, сам не свой, — помогал то отцу, то матери. Но что бы он ни делал — закручивал ли бутыл с марганцовкой, держал ли приколачиваемую отцом жердь, — ни на минуту не упускал из вида лежащую на соломе лосиху. Ему даже не верилось, что все это происходит на самом деле, что загадочный зверь теперь и под его опекой, защитой. Это было почти как наваждение и чтобы вернуться в реальность, поверить в явь, ощутить себя в такой необычной, но конкретной обстановке, Венька подходил к лосихе, трогал ее шею, уши, гладил худую, лоснящуюся отмякшей шерстью спину. Сердце его при этом трепетало, — спас лесного великана, какой же он счастливый.

Загородка получилась просторная. Кормушку отец не стал делать, решил сколотить, когда лосиха встанет на ноги.

Утром, проснувшись, Венька первым делом спросил:

— Мам, ну как там моя находка?

Как-то непроизвольно, неожиданно слетело это слово — находка.

— Вот уж действительно — настоящая находка. Не наткнись ты на нее — погибла бы, это точно, — рассудила мать.

— Как же она, мам?

— Ну как — все лежит. Я вот ей сейчас водицы подсоленной отнесу.

Венька оделся и выскользнул во двор за матерью. Лосиха сначала было отвернулась от воды, но когда мать смочила ей губы, она встревожилась, ноздри затрепетали. Мать тотчас придвинула ведро и лосиха стала пить. Она пила совсем по-коровьи, — цедила воду сквозь зубы, копила ее в пасти и с урканьем толкала редкие емкие глотки.

Венька, просунув сквозь жерди руку, гладил лосиху по спине, приговаривал:

— Находка... Находка...

— Ты вот что, Вениамин, — сказала строго мать, — как придешь из школы, наломай ей всяких прутьев — ивовых, ольховых, рябиновых, осиновых — всяких. И хорошо бы сосновых лапок. Она выберет на свой вкус. И так каждый день.

Ну эта забота — не забота, а одно удовольствие. Венька еще по пути из школы наломал охапку всяких прутьев, даже не поленился завернуть на хутор Пчелкино за липовыми веточками.

Лосиха не стала есть ветки при Веньке. Он подсовывал, уговаривал: — Находка, Находка, — не обращала внимания. Но когда ушел и взглянул в щелку непритворенной двери, увидел, — лосиха ткнулась в охапку, обнюхала и, выбрав сосновый зеленый побег, захрупала.

Вечером вместе с отцом пришел охотовед Григорьев, невысокий, плотный, еще молодой мужик. Он сходил во двор, осмотрел лосиху и остался доволен. Потом они долго сидели с отцом на кухне, брякали ложками, хрустели капустой. И Венька слышал по-хозяйски уверенный, слегка назидательный, голос оховеда:

— Лечите! Зверь — он живучий, поправится. За труды — сквитаемся, будь спокоен. Сам знаешь — товар у нас всякий. Как поправится, встанет на ноги — дайте знать, сообщите.

— Кхе, кхе. Ясно дело, чего говорить — само собой, — сквозь капустный хруст немовато подхватывал отец.

Венька каждый день шел в школу и возвращался с думой о своей Находке. Дел ему по хозяйству хватало, но главной заботой он теперь считал уход за лосихой, — убирал из хлева огрызки веток, наламывал новых, причем выбирал молодые, тоненькие. Лосиха совсем привыкла к нему. Он брал щетку, перелезал через жерди в загородку и вычесывал потускневшие линяющие волосы. Лосиха мирно лежала, скольжение щетки словно бы убаюкивало ее, — глаза туманились подступающей дремотой.

Мать каждые три дня меняла бинты, говорила, что заживление, хотя и трудно, но идет, и с шуткой

добавляла, что после такого их старательного ухода этим ногам «сносу не будет».

Вообще дни шли для Веньки заполошные, согретые нечаянной радостью. Правда, один раз ему снова крепко попало от отца, — взял без спросу ножовку по металлу, хотел выпилить тросточку из медного стержня, да неудачно нажал, полотно лопнуло. После жесткой, высекающей скупую молчаливую слезу, трепки, Венька недолго сидел в углу нахохлившимся цыпленком. Мать пошла во двор с ведром, — Веньку как ветром сдуло. Пока мать доила корову, он все гладил, почесывал лосиху, чувствуя, как горечь обиды рассеивается, тает, уступая тихой задумчивой радости.

Наст давно рухнул, рассыпался в прах. Остатки грязных лохмотьев снега истлевали под нажимом упрямого солнца. Шумела река, в подтопленных прибрежных кустах крякали утки. Сырой, припахивающий прелью валежника, ветер дул то с севера, то с востока, но уже ничто не могло остановить пробуждение, — весна хозяйничала кропотливо, дотошно.

Как-то утром мать разбудила Веньку. Это редко случалось, обычно он поднимался сам. Мать повернула его на спину, вкрадчиво прошептала:

— Проснись, соня. Ничего ты не знаешь — ведь радость к нам залетела.

Венька съюзил с кровати. Он уже понимал, — дело нешуточное, мать никогда его не разыгрывала.

— Что случилось, мама?

— Беги во двор, увидишь.

Венька сунул ноги в шлепанцы и, обморочно пошатываясь, позевывая — сонная нега сковывала движения, — заковылял по широкой коренной половице.

Из сеней — дверь налево. Он дернул за скобку, перешагнул порог и замер, ошеломленный чудесной картиной: лосиха стояла.

В маленькое оконце наискось падали лучи. Находка стояла аккуратно в их конусе. Гладко вычесанная спина переливалась, искрилась и, казалось, на лосиху наброшена звонкая серебряная попона. Венька хлопал глазами, — какая, оказывается, его Находка, высокая, могучая, стройная. И что особенно восторгало: лосиха, просунув голову между пряслами, дружелюбно обнюхивалась с коровой.

Через четыре дня мать сняла повязки. Коленные чашечки зарубцевались, коросты подсохли и острые иглы волос уже просеяли голубоватые проплешины молодой кожи.

В тот же вечер пришел охотовед Григорьев. Опять он долго сидел с отцом на кухне, опять стучали ложки и смачно хрустела капуста.

Мать ушла со своим ветеринарным чемоданчиком к Ивану Кузьмичу, — прибежал Алексей, что-то у них случилось с телятком.

Венька учил уроки. Но разговор за переборкой сбивал настроение, мешал сосредоточиться.

Бубнил все больше Григорьев, — назойливый голосок, какой-то зудяще-ровный. Венька хмурился, ерзал на стуле — ничего не запоминалось.

— ...Что ни говори — большое доверие. Подумать только — областной семинар, со всех районов съедутся. Охотоведы, лучшие егеря... Климов мне прямо сказал: «Ваш участок один из лучших, вот и пал выбор». Честь-то честью, да и ответственность.

— Кхе, кхе... Принять надо как следует, это уж точно...

— Вот я и говорю, человек полста будет, кой-как не отделаешься. Климов опять же — первая персона. Ну с директором я договорился, — общежитие сейчас пустует, двадцать пять коек есть, остальных по домам. Со столовой тоже утрясли, трехразовое питание каждый день. Теперь насчет мяса. Эту лосиху договорились — того... Котлеты, студень — все посытнее. Так что завтра давай. Сможешь?

Венька аж похолодел, уловив смысл решительных слов охотоведа. Он зябко сжался, вспугнутое сердце затрепыхалось.

— Кхе, кхе... Подумаешь зверь какой, завалим хоть бы что, силка есть... Только за уход-то надо бы...

— Ладно, отрубишь ляжку.

Они еще о чем-то говорили. Словопрения перемежались паузами насыщения, — ядрено, звучно скрипели на зубах капустные кочни. Слышать этот самозабвенный и вольный хруст было просто невыносимо, — Венька с содроганием зажимал уши.

Вдруг он поднял голову, напряженно с решимостью уставился в переплет рамы: «Что, все так и будет? Что же это получается? И вообще, как же тогда дальше?»

Он встал и, крадучись, вышел. В сенях нашарил топор под лавкой и опять же, не включая света, на ощупь спустился во двор. Все знакомо, выверено до шага, протянул руку — вот она задвижка, — выбил ее из гнезда и открыл ворота.

Тусклый свет звездного неба потеснил вязкий сумрак двора, — Венька различил стойку, уходящие в темноту следи, силуэт замеревшей лосихи.

Топор к сухой жерди припечатался звонко, — Венька содрогнулся, сердце забилося так, что зашумело в ушах, ослабли руки. Но терять время было нельзя и Венька, собрав волю, замахал топором. Гвозди поддавались легко. Жерди падали одна за другой. Вот уже вся стенка расшита, путь свободен, но лосиха ни с места. Она лишь смотрела в воротный проем, в это туманное, шибящее талой землей, горчащее отмякшим ивовым и ольховым прутняком ночное чудо и настороженно прядала лопушастыми ушами.

Венька поднял хворостину, хлопнул лосиху по крестцу. Она стронулась, сделала три-четыре шага и остановилась в воротах, поводя головой и с шумом втягивая напираний во двор сырой холодный воздух.

За гумнами всплеснулась река, должно быть, обрушился подмытый берег. Гулко отдалось в прибрежном осиннике. Всполошились грачи, — заклокотали, захлопали крыльями. Но быстро все стихло и только доносились с поля какие-то осторожные чавкающие звуки, словно там кто-то заблудился и вот ходит, мается, не решаясь подать голоса.

Лосиха сначала пошла шагом, но, миновав проулок, перешла на бег и стала ходко удаляться. Скоро Венька потерял ее из вида и только размеренные степенные шаги еще долго слышались в гулкой глубине ночи.

— Находка!.. Находка!.. — шептал Венька, прижавшись к косяку. Слезы текли по его дергающимся щекам и прыгающему подбородку. Это были слезы не страха перед совсем скорым наказанием, Венька даже не думал об этом, — секло душу и сбивало дыхание что-то неизмеримо более печальное, безысходное.

Он понимал: лосиха ушла, она теперь в своих владениях, на свободе, но то, что он услышал дома, переворачивало и разрушало все его прежние радужные мечты и он явственно представлял теперь, какая беда может подстергать лосиху.

п. Судиславль
Костромской области

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ЛЕТО ЗА ОКОШКОМ

Волшебное лето за нашим окошком.
Там с нашей планеты всего понемножку:
Зеленые травы и синяя речка,
Кузнечики, бабочки, пес и овечка.

Мальчишки с девчонками в жмурки играют,
Дядь Вова метлою наш двор подметает.
Кот Васька за мышкою гонится ловко.
Вдали виден луг, где пасется коровка.

Все это ты можешь увидеть в окошко,
Где с нашей планеты всего понемножку.

Света Гостюшкина,
Караганда

ПОПУГАЙЧИК

Родина птички — Австралия жаркая,
От попугайчиков яркая-яркая!
Мой попугайчик по ней не скучает,
Хотя и родных он своих не встречает.
Я с ним дружу, и он со мной дружит,
Поэтому он не грустит и не тужит.

Алла Щелина,
Московская область

КАНИКУЛЫ

Летние каникулы,
Как люблю я вас!
Сколько интересного
Впереди у нас!

Много книг читаем,
Во дворе играем,
Но о школе тоже
Мы не забываем.

Подождем немного,
Пролетят деньки,
Засмеются звонко
Школьные звонки.

Нам откроют двери
В чистый, светлый класс.
Улыбнувшись, мамы
Поглядят на нас.

Аня Пипченко,
Могилевская область

Рисунок К. Почтенной

МБАРАБАН 8

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ
СТИХИ
РИСУНКИ

Революционный держим шаг!

ПАМЯТЬ НАШЕГО ДОМА

У нас в семье хранится уже пожелтевшая от времени вырезка из газеты времен Великой Отечественной войны. В ней напечатано письмо боевых друзей моего дедушки его матери — Олимпиаде Ивановне Устимовой.

Вот это письмо.

«В нашем подразделении служит Ваш сын Михаил Андреевич Устимов. Все бойцы и командиры гордятся им, молдым патриотом нашей Родины.

Отлично изучив свое оружие, он успешно громит фашистов, очищая от них нашу священную землю.

В одном из боев противник предпринял контратаку, бросив в бой танки, за которыми двинулись автоматчики.

Выкатив орудие на открытую позицию, Михаил Андреевич подбил два танка, уничтожил миномет и станковый пулемет с прислужкой. Своим огнем он уничтожил до взвода солдат противника.

После боя он доставил в свое подразделение исправный вражеский миномет и принес документы убитого офицера.

Только за последние три месяца расчет его орудия уничтожил две немецких пушки с их расчетами, подбил два танка, уничтожил пять автомашин с грузом, четыре станковых пулемета с прислужкой, 11 дзотов и блиндажей, один миномет,

сжег склад боеприпасов, уничтожил до двух взводов гитлеровцев.

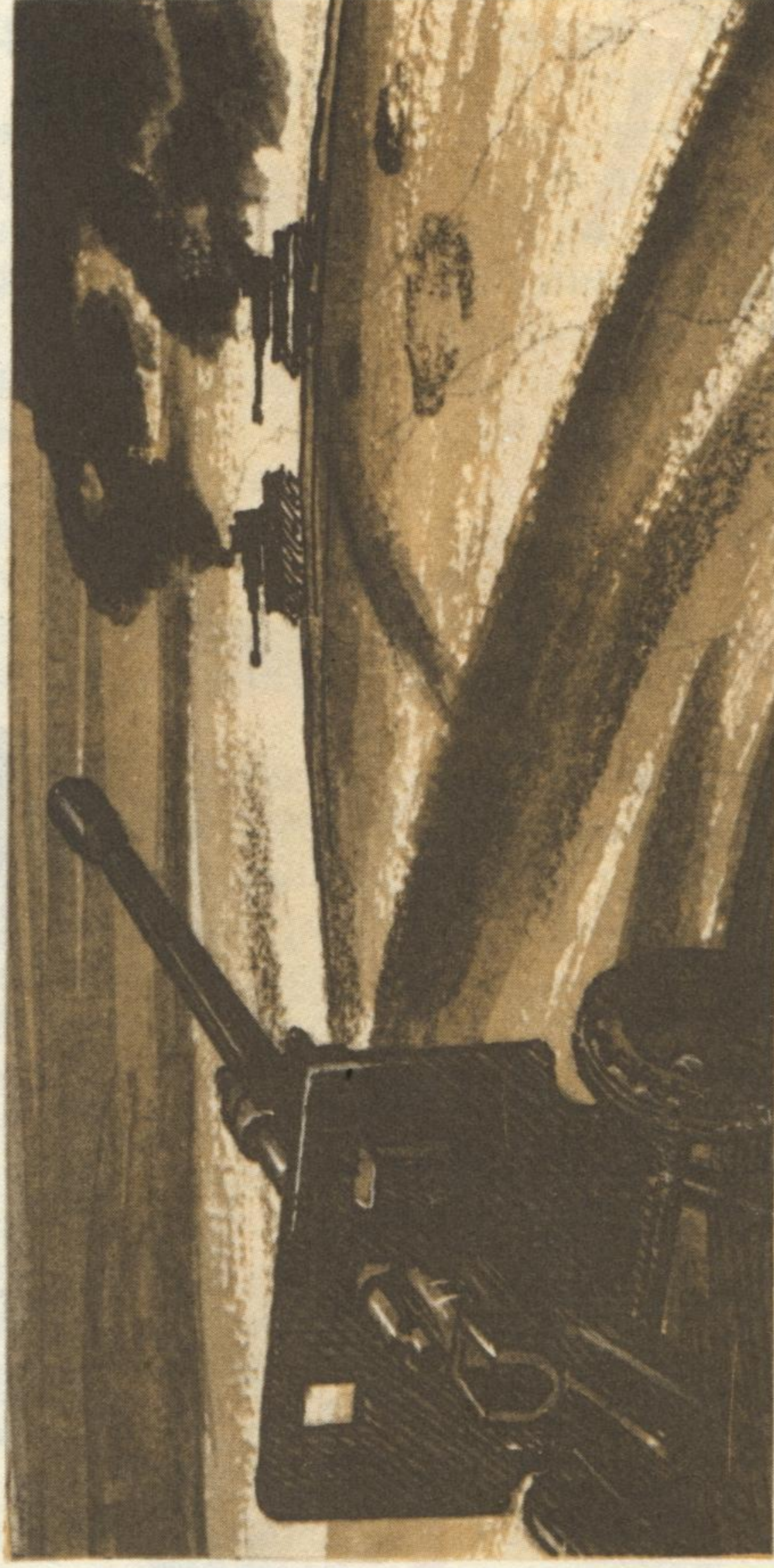
Командование отметило боевые дела Михаила Андреевича. Он награжден медалью «За отвагу». В. Ососков, В. Вотницев и другие».

Вот какой смелый и храбрый мой дедушка!

Света Антюганова,
5 класс, Горький

СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!

В дни, когда ты, читатель, полюбишь этот номер журнала, в Артеке торжественно откроется и начнет работать IX Всесоюзный пионерский слет. Делегаты слета будут говорить о проблемах и задачах пионерской организации, делиться опытом, рассказывать о своих делах, о стремлении еще активней участвовать в делах нашего государства. Среди пионерских делегатов будет немало ребят, ведущих в своих городах и поселках следопытский поиск. Движение красных следопытов стало одним из важнейших дел советской пионерии. Сегодняшний выпуск «Барабана» составлен из заметок красных следопытов, рассказывающих о своей важной работе.

ЭКСПУРСИЯ НА ЗАВОД

Оксана Поминчук, Горловка

О чем рассказывала печать

Среди многих интересных находок нашего археологического уголка есть и печать села Елисовтопольского, на которой выгравирована дата — 1864 год. Так до революции называлось село, в котором мы живем. Печать и побудила нас начать сбор материалов об его истории.

Вот что мы узнали.

После Крымской войны, летом 1864 года отряд под командованием генерала Геймана прошел со стороны Кубанской равнины через главный Кавказский хребет в долину реки Туапсе. В долине отряд оставил воинское подразделение под командованием офицера Елисовтопольского.

Утром, 26 июня 1864 года подразделение приступило к строительству воинского поста и казарм для солдат.

Место это привлекло людей из других губерний России, где

крестьяне находились в кабале помещиков. Постепенно вокруг поста образовалось село, которое назвали Елисовтопольским.

В 1890-х годах началось строительство Майкопского шоссе, соединявшего Кубань с Туапсе. На строительство шоссе пришло много обездоленных, доведенных до голода и нищеты крестьян, часть которых осела потом в этих местах. Елисовтопольское стало уже станицей.

В 1920 году в апреле месяце здесь была установлена Советская власть.

В 1936 году жители села просили Верховный Совет РСФСР Елисовтопольское переименовать в село Шаумян.

Сейчас наше село входит в состав Туапсинского района.

Оксана Татосян,
экскурсовод народного музея,
школа № 1,

село Шаумян
Краснодарского края

Встретились фронтовики друзья

Однажды мы получили письмо из Грозного от ветерана войны Шепи Чаколаева. Он просил разузнать о судьбе своего однополчанина Тешабая Адылова, который защищал Ленинград, был снайпером, уничтожил более ста фашистов, был награжден орденом Ленина. В результате кропотливого поиска мы узнали, что Адылов

жив и работает учителем 4-й средней школы совхоза «Сох» Риштанского района Ферганской области.

Мы пригласили героя в Ташкент. Сюда же приехал и его боевой товарищ. Очень волнующей была встреча фронтовых друзей!

Члены поискового клуба «Прометей»
Дворца пионеров,
Ташкент

Музей хлеба

Экспонаты для школьного музея хлеба мы собирали буквально «по зернышку». Вот, например, обгоревшие зерна пшеницы, найденные ребятами при раскопках в Брестской крепости. Рядом — «осьмушка» хлеба, такого, какой был в блокадном Ленинграде. Его испекла бабушка пятиклассника Жени Бедрицкого, во время войны бывшая медсестрой в

героическом городе. Есть среди экспонатов и целый каравай. На целине работали многие из родителей учеников школы. Взрослые подарили нам фотографии и свои воспоминания об этом времени.

Каждое лето в школе формируется трудовой отряд, помогающий земледельцам пригородного колхоза.

Совет музея школы № 9, Брест

Герои Николая Астровского

Наша школа носит имя Николая Астровского. Поэтому мы стараемся как можно больше узнать о людях, в чью жизнь неразрывно вошла книга «Как закалялась сталь». А недавно мы встретились с... Ритой Устинович. Она стала носить фамилию Устинович в 1941 году, когда фашисты вступили на землю Полтавщины. Группа комсомольцев села Белецкова создала подпольную организацию «Набат». Каждый ее член

взял в качестве подпольной клички имя героя любимой книги. Ритой Устинович стала Александра Лапина, только окончившая учительский институт.

Не один вражеский эшелон полетел под откос от рук Устинович, Жухрая, Корчагина и других комсомольцев, ставших достойными имен героев Николая Астровского.

Совет дружины школы № 34,
Кишинев

БЕРЕЖИТЕ КОММУНИСТОВ ПРИМЕР

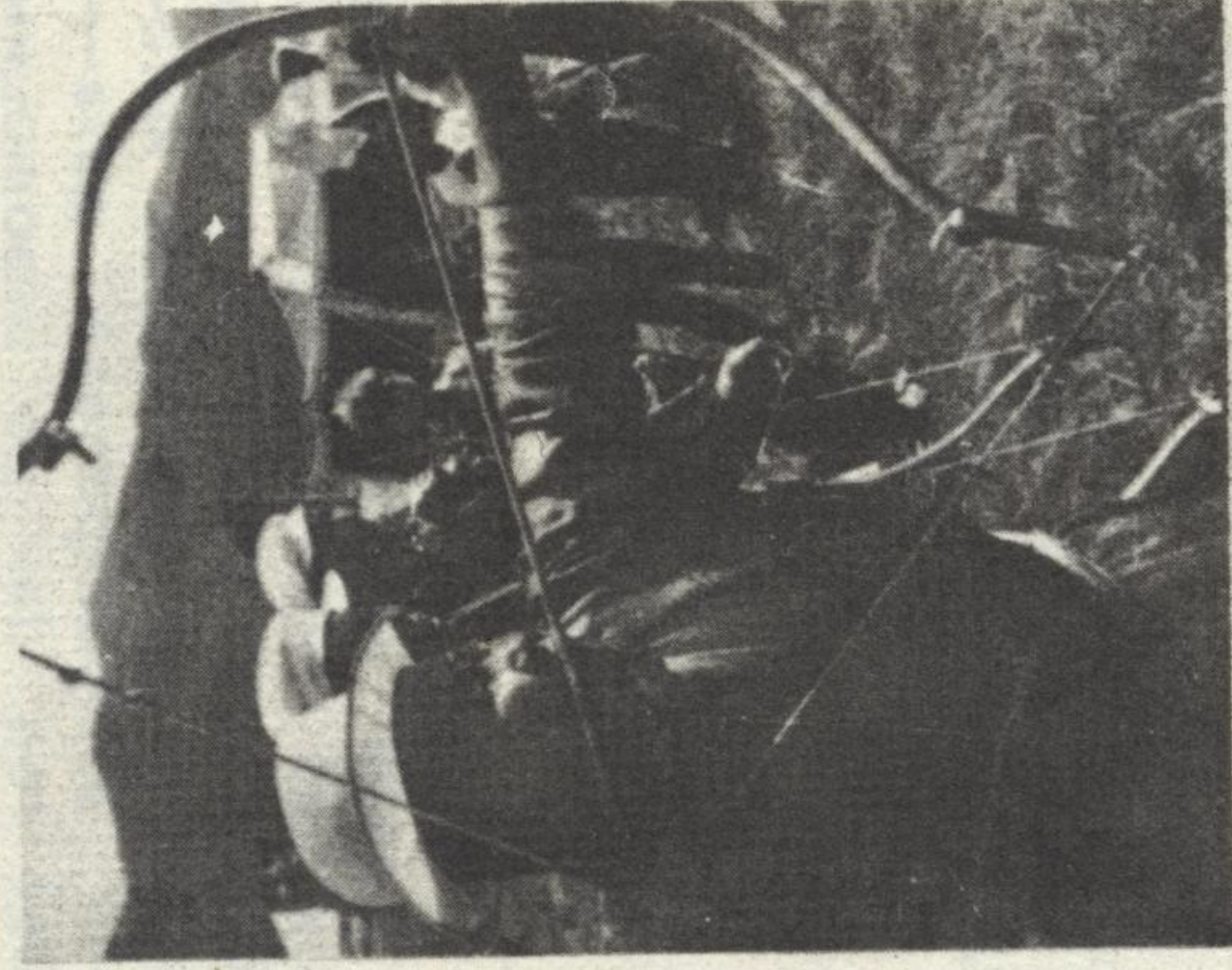
В поселке Репино, недалеко от школы, в пансионате «Заря» отдыхают ветераны партии, Великой Отечественной войны и ликой Отечественной войны и труда. Они все очень хорошие и добрые люди. У каждого за плечами война, трудная работа. Хвори одолевают, недуги, да и годы берут свое. А они не жалуются, не падают духом.

Со многими из них мы поружились. Вот, например, Зинаида Ивановна Полякова. В 1919—1920 годах она была секретарем газеты «Известия», работала под руководством

М. И. Ульяновой. Вместе с Н. К. Крупской Зинаида Ивановна вела агитационную работу в Поволжье. Позже эта мужественная женщина участвовала в борьбе с бандитизмом и кулачеством.

После встреч с такими людьми задумываешься о своем месте в жизни. Сразу хочется что-то изменить в себе, в своих поступках, сделать что-то очень хорошее для людей, для нашей Родины.

*Пионеры 5-го класса 442-й школы,
Сестрорецкий район,
Ленинградская область*

Дельфины

В августе прошлого года мама, папа и я отдыхали на море. Мне там очень понравилось. Особенно потому, что однажды утром мы увидели метрах в двухстах от берега двух дельфинов. Они поныряли-поны-

ряли и уплыли. Именно это утро я и нарисовал. Дельфин на моем рисунке только один: второй нырнул.

*Женя Миниханов,
ст. Глядень
Красноярского края*

Вместе с родителями я приехал в Монгольскую Народную Республику, потому что моего папу послали сюда в командировку. Живем в столице МНР Улан-Баторе. Здесь и снял фотографию «Лучники». Решил послать ее в «Барaban» вместе с приветом из братской Монголии.

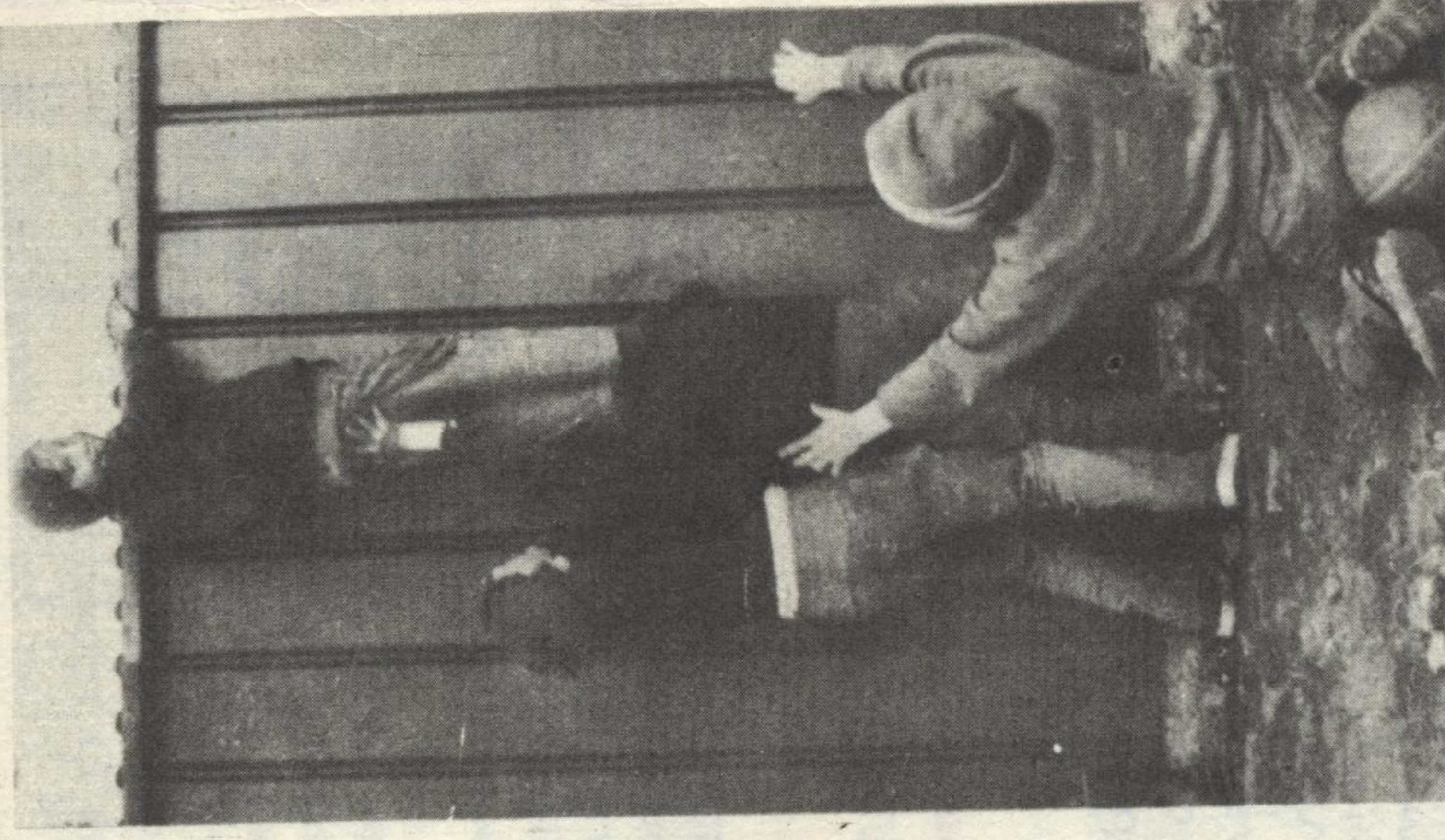
*Кирилл Середкин,
7-й класс*

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

ФОТО- КОНКУРС

БУДУЩИЙ СКРИПАЧ
Чермен Коноев, Грузинская ССР

МАЛЬЧИШКИ
Андрей Кровлин, Приморский край

ОПЯТЬ МОТОР БАРАХЛИТ

Толя Пеганкин, Тольятти

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Мой папа — председатель колхоза. Я не раз ездил с ним по полям. Люблю фотографировать, и однажды на уборке сделал этот снимок. Назвал я его «Хлеб Родине». Этот хлеб для нас, сельских жителей, дороже золота. Его надо посеять,

вырастить, скосить, обмолотить, смолотить, испечь. Знаю все это еще и потому, что все лето работал помощником комбайнера.

*Саша Кузьмин,
село Маресьево,
Горьковская область*

С именем Пушкина

Среди восьмидесяти четырех городов и мест, где побывал Пушкин, значится и Тула. Он проехал ее по пути на Кавказ весной 1829 года. Наш клуб решил выяснить, как связано имя великого поэта с нашим краем. Мы встретились с правнучкой Льва Сергеевича Пушкина Марией Борисовной Нейкирх. Она вспомнила свои встречи с Софьей Андреевной Толстой, показала могилу потомков Пушкина на Всехсвят-

лась запущенной, и мы привели ее в порядок.

Еще мы узнали, что в 80-е годы прошлого столетия в Туле жила дочь поэта Мария Александровна Гартунг. Узнали историю и памятника Пушкину. Он был сооружен на собранные среди населения средства и установлен в 1899 году на Киевской улице, которую вскоре переименовали в Пушкинскую.

*Члены клуба «Родник»,
школа № 3*

Страничка

Насте Морозовой 11 лет, живет она в городе Воткинске. Настя мечтает, чтобы все народы мира жили дружно, а целовек охранял все живое на Земле и в космосе.

ЧУЖАЯ ПЛАНЕТА

Фантастический рассказ

Космолет приземлился, открылась автоматическая дверь и высыпали люди. Пламя космолета сожгло поляну горящих цветов, но космонавтам не было до них дела. Вернулись космонавты довольные. Один из них нес прекрасную птицу, похожую на павлина. Другой по пути ловил лазерным сачком переливающихся на зеленом и розовом солнца огромных бабочек. Третий тоже нес удивительную птицу, покрытую шелковистой малиновой шерстью. А четвертый поймал и посадил в банку какие-то маленькие фиолетовые

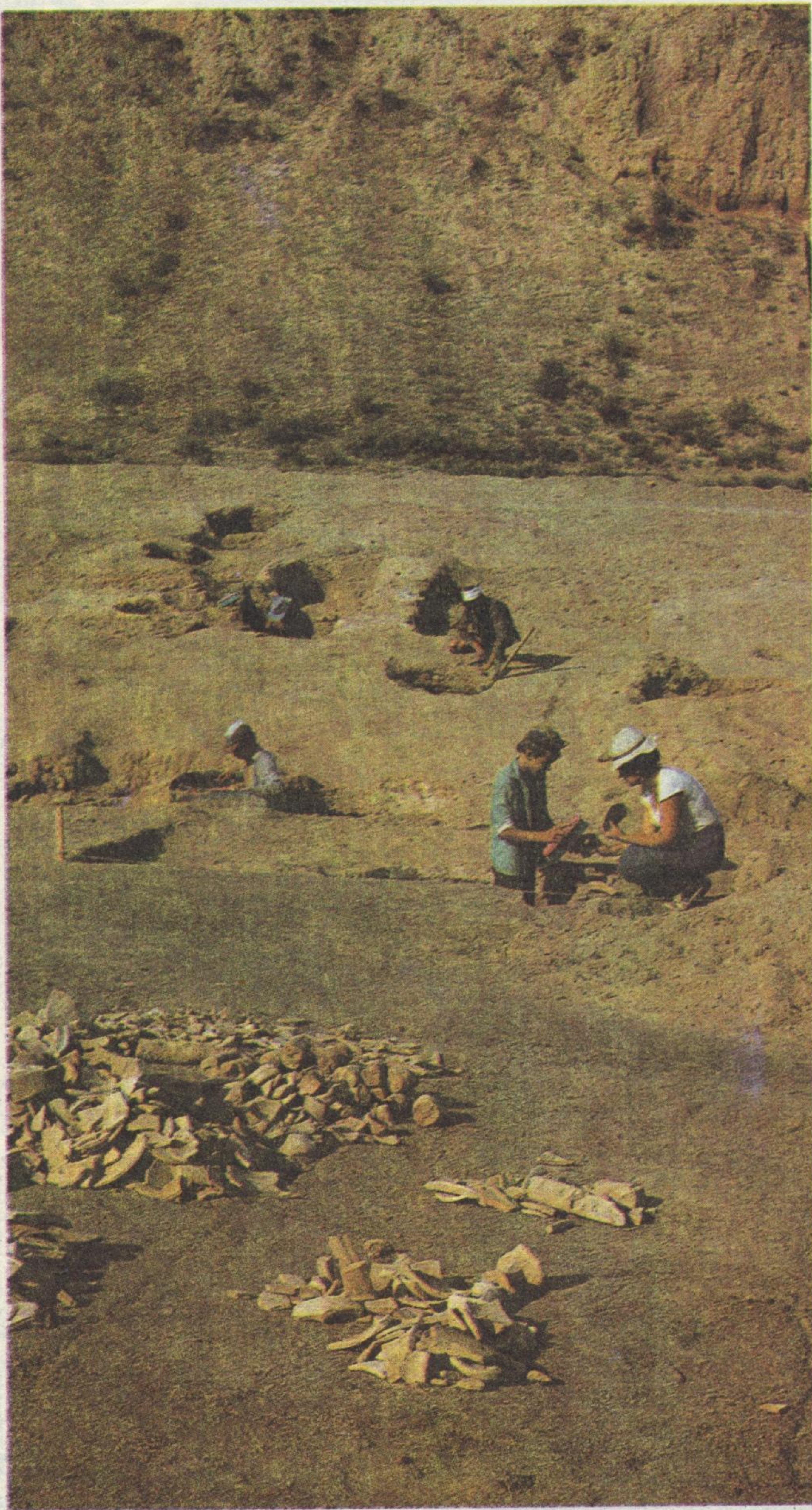
существа. Среди них металась бурая ящерица в зеленую крапинку. Последний нес букет розовых кораллов, в которые были вкраплены большие серовато-голубые жемчужины.

Космолет улетел. На прежней веселой, переполненной звуками поляне воцарилась тишина. Под деревом, нежные щупальца которого были переломаны, испускало дух странное голубое существо. Его большие глаза были широко открыты, в них сквозило страдание. Кругом, как увядшие листья, лежали подбитые бабочки.

САЛЮТ, УВЛЕЧЕННЫЕ!

ШАХРУХИЯ ОТКРЫВАЕТ

ТАЙНЫ

В августе прошлого года, в Самарканде, в Институте археологии Академии наук Узбекской ССР состоялась встреча советских и французских археологов. В ней принимали участие ребята из Сиабского дома пионеров города Самарканда — в залах института вместе с известными европейскими учеными сидели мальчишки в пионерских галстуках. Они не были просто гостями. Когда на трибуну поднялся семиклассник Виталий Орда и прочел доклад об уникальной находке ребят — шахрухинском кладе древних монет, руководитель французской делегации растерянно сказал: «Я и подумать не мог, что в СССР даже дети привлечены к научным исследованиям». Французские археологи передали ребятам Государственный флаг Франции со своими автографами, а самаркандские школьники подарили им терракотовые фигурки мифических животных, сделанные керамистами Дома пионеров.

Наш корреспондент **Е. МАТВЕЕВА** побывала на раскопках древнего города **Шахрухии**, где каждое лето трудятся юные археологи Самарканда.

ЛАГЕРЬ АРХЕОЛОГОВ

Ноги проваливаются по щиколотку в пыль. Следы овец. И еще один странный след, велосипед такой не оставит — гладкий и извилистый. Это полоз пересек дорогу — змея. Я уже знаю, что она безвредна.

Здесь есть и скорпионы. И хотя никого скорпион не укусил, а совхозные ребята бегают босиком, под ноги посматриваешь со вниманием.

На дороге мне встретился малыш с бритой и круглой, как мячик, головой. Он меня привел в рощу.

Среди тополей я увидела ребят. Был тут и Валерий Иванович Набоков, руководитель летней практики археологов. Правда, поговорить с ним удалось только часа через два. В лагере случилось ЧП. Один мальчишка бросил пузырек из-под одеколona в огонь, тот взорвался и поранил руку Ахрору Сабирову. Валерий Иванович перевязал пострадавшего, а потом совхозный почтальон Эргаш повез на мотоцикле Набокова и Ахрора в район, к врачу.

Ребята повели меня есть макароны с тушенкой, пить чай со сгущенным молоком.

Ребята сами кухарят. А вокруг печки и стола вертится котенок Буян. На деревьях щебечут майны.

Майна — индийский скворец — большая черная птица с желтой стрелкой у глаза. А это кто? Ходит по лагерю шоколадная с черным птица-попугай. Клюв длинный, тонкий, загнутый. То раскроет хохолок-корону, то сложит. Да это же угод! Вскоре летит что-то стремительное, литое, настоящая пуля. Шмель! Ничего себе шмель! Рядом с северными шмелями — как Гулливер с лилипутами. Вот так, прямо за обедом, знакомлюсь со здешней фауной.

А потом вернулись Набоков с Ахрором. Ахрор гордо нес забинтованный палец, а Набоков только головой покачал:

— С пальцем все будет в порядке. А вот с виновником — не уверен. Как решит полевой совет?

ЧП здесь редки. У каждого, как у автомобилиста, — талон. Три нарушения, три прокола, и решается вопрос об отчислении из лагеря. Только кому же хочется распрощаться с Шахрухией?

ДРЕВНИЙ ГОРОД

Желтовато-серые холмы лежат, как огромные, перевер-

нутые чаши. Кажется, что они подтаяли, оплыли от изнуряющего среднеазиатского солнца. Под ногами рассыпаны черепки: красные, белые и глазурованные — голубые, зеленые, желтые. Хрустит жесткая, высушенная от зноя трава. Только кустики верблюжьей колючки, как ни в чем не бывало, щетинятся зелеными листьями и шипами.

Под нами лежит древний город, который перестал существовать в конце XVIII века.

...Более шестисот лет назад воинственный Тимур, один из самых могущественных и жестоких завоевателей и правителей средневековой Азии, обратил внимание на удобное для переправы место. Так на берегу Сырдарьи встала мощная крепость, а за ней и город, получивший имя одного из сыновей Тимура — Шахруха.

— Когда-то здесь было кладбище, — говорит Валерий Иванович. — Вот эти маленькие круглые всхолмления — куполки мавзолеев. Овраг — ров. Вал — крепостная стена. Смотрите — вон вылез кусок кирпичной стены. А вон ту башню мы с ребятами откопали в прошлом году.

И я вижу стену и большую круглую башню из кирпича.

— Там городские ворота, — продолжает Валерий Иванович. — Низина — базарная площадь. Длинная впадина — улица. Это стены домов, а углубления — дворики.

Странные превращения произошли в пейзаже. Я видела просто холмы, а теперь замечаю, что это действительно город, обнесенный крепостной стеной, с площадью и улицами.

И вдруг, спугнутые нами, взлетают ярко-синие птицы. Большие, с ворону. Крылья — веера.

Кто это? Это же синие птицы счастья! Волшебные птицы.

В узбекских сказках волшебные птицы называются симургами.

Я загляделась на птиц, а когда перевела взгляд на холмы — передо мной оказался средневековый город.

Встали мечети и дворы с разноцветной росписью и по-

золотой. Зажурчали фонтаны и арыки, несущие воду на рисовые поля. Зазвучала тягучая, как патока, музыка. В благодатной тени чинар и карагачей дремали на коврах за пиалой золотистого чая именитые горожане. Из дворигов, скрытых глинобитными стенами, поднимался жар очагов и тандыров, струился аромат плова. Спешил на рынок зеленщик с корзинами. Гончар погонял маленького грустного ослика, который тащил арбу, груженую кувшинами, касами — плошками, ляганами — блюдами. Базарная площадь цвела пестротой ларьков и палаток, тканей, ковров, подносами лилового и зеленого винограда, лепешками, рисом, горами дынь и арбузов, овцами и коровами, покупателями, торговцами, дервишами, факирами — все несло, кружилось каруселью из волшебной восточной сказки.

Живым был город. И не я одна его видела. Видел и Набоков, и ребята, и ученые, которые работают здесь на раскопках.

Взмахнет синяя птица крылом — встанет город из-под земли. Имя ему — Шахрухия.

КЛАД

В июне восемьдесят четвертого года на окраине городища был найден крупный клад медных монет. Набоков создал специальную группу, которая стала детально обследовать место, где был обнаружен клад. В первый же день принесли в лагерь пятьсот монет. Потом еще четыреста. Сколько земли просеяли ребята сквозь решета, перетерли руками? Землю эту никто не взвешивал. Но холм из нее можно было бы наворотить большой.

Более трех месяцев ребята обрабатывали эти монеты в лаборатории Института археологии под руководством ученых. На некоторых монетах были изображены хищники с задранными хвостами, рыбки — одиночные и парные. Удалось прочесть даты. Оказалось, что монеты относятся к концу XVI — началу XVII ве-

ков. А монеты этого периода плохо изучены, почти на всех них даты отсутствуют.

Был ли клад местным, шахрухинским чеканом? До сих пор трудно сказать. Нужны новые находки. И сейчас ребята каждый день их делают. У Виталия Орды есть идея поговорить с местными ребятами. Многие из них находят монеты, они им не нужны, в качестве грузил используют. Но не отдают.

— Объясним, зачем нам монеты, отдадут, — говорит Орда.

Нумизматикой Виталий интересовался еще до секции. Началось с того, что просто собирал монеты. Но просто собирать — неинтересно. Стал читать, узнавать про каждую монету своей коллекции. К какому периоду относится, кто правил тогда, какова была политическая и экономическая обстановка.

Я уже привыкла, что ребята из секции многое знают и могут объяснить, но, признаться, удивилась, когда Виталий рассказал про дневной прожиточный минимум средневекового человека, про зарплату каменщика, красильщика тканей и повара в медресе.

НА ГОРОДИЩЕ

После завтрака все, кроме дежурных, уходят на работу. Работа эта тяжелая, кропотливая и увлекательная.

Почва — глина. Кирпич, древние стены — из нее же. Днем, когда солнце стоит над головой, трудно отличить стену или фундамент от почвы. Зато утренние косые лучи дают светотень, «рисуют», и можно

заметить то, чего никак не увидишь через несколько часов.

Перед нами гончарная мастерская. Ямы для готовой продукции, отходов, сырья. Место гончара, где сидел он за своим кругом. Лежанка, где отдыхал. Гончарные печи. Очищены они при помощи ножа и щетки. А эта маленькая печка — для варки глазури. В ней еще заметны следы краски.

Восемнадцать печей открыли ребята. И есть очень интересные. В одной печке построена другая, в той — третья, в третьей — четвертая.

— До сих пор не знаем, почему печи переделывали, — говорит Валера Буланов, он занимается архитектурой печей. — Кризис экономики? Нехватка сырья, топлива? Невыгодно было топить большую печь? А может, изменение технологии. Ведь более высокую температуру легче поднять в маленькой печке.

Печи уходят в землю удлиненными чашами. По кругу торчат толстые глиняные штыри. На штырях лежат полочки. На них стоят касы — большие пиалы. Такую удивительную и немного грустную картину застали ребята, вскрыв одну печь. Как будто поставил гончар обжигать эти касы, а сам вышел. На пятьсот лет...

Но самое интересное — разбираться в браке, испорченной керамике.

В печке и в мастерской у гончара находится только то, что он делал последним. А в отвале — битая посуда за долгое время. Если найдутся там, например, черепки такой же керамики, как в Бухаре, можно говорить о торговых отношениях и происхождении керамики.

Ребята начинают расчищать новое помещение и печь, убирают дерновину.

— Надо снять бровку, здесь, наверно, был проход в то помещение, — показывает Набоков.

— Валерий Иванович! Я нашел пробный оттиск калыба! /Калыб — штамп, которым выдавливался рисунок на керамике/.

— Валерий Иванович! Монаета!

Набоков летает туда-сюда.

— Идите к нам, Лерыч! /Так называют Валерия Ивановича ребята./

Жара. Пыль из-под щеток облаком овеивает раскоп. Прошли четыре часа работы. Пролетели. Набоков командует: «На Сырдарью!»

Ребята почему-то не спешат купаться. Я знаю, почему их не оторвать от ножей и щеток. Под руками у них обрисовывается печь. Еще утром была земля, а сейчас — круглая кирпичная стенка. И каждую минуту возможна находка. Однако порядок есть порядок.

На берегу смотрю, кто же это не купается? Подхожу, Валера Буланов моет песок у кромки воды. Говорит, показывая кусочек стекла:

— Это древнее стекло. Видите, какое радужное? А если на свет его посмотреть — пузырьки.

НАХОДКИ И ГИПОТЕЗЫ

Маленький оазис — тополевая роща. Стоят палатки. Есть и просто кровати под накомарниками. Комары здешние — звери. А дождей летом нет. Под звездами спать прохладнее.

Возле палаток столики с кисточками, ножницами, перьевыми ручками и тушью. Здесь производят камеральные работы, обрабатывают находки. И все это огорожено веревкой. Спрашиваю, зачем. А Набоков объясняет:

— Это меня воспитывают. А что вы думали, только я их воспитываю? Они борются с моим курением. Курить можно только за веревкой. А когда занят делом, выйти некогда. Так и курить бросишь.

Разглядываю разложенные на брезенте черепки, куски сосудов, флаконов для ртути.

— Интересная каша с рыбками, — говорит Марат Губайдуллин. — Сжата с боков. Специально или дефектная?

— Случай с осколками еще интереснее, — продолжает Ва-

лера Буланов, — скол совпадает, цвет тоже, орнамент — нет. От одной тарелки осколки, а вроде от разных.

— А почему у этого калыба рельеф на внутренней стороне? Может, это калыб калыбов? Форма для калыбов?

— Известно, что эти флаконы использовали для ртути. Но зачем на технической посуде делать насечку, украшать ее? Может, это сосуд для благовоний?

— А может, сюда фитиль вставляли и бомба была?

— Тоже скажешь! Бомба с рисунком?

В ящичке череп. Его добыл Сережа Батюхно, он занимается антропологией. Сережа спустился в мавзолей через дыру в куполе, вымытую дождями, выдутую ветром. Захоронение будут скоро вскрывать. И вообще-то Набоков строго-настрого запретил пока лазить в мавзолей, может быть обвал.

— Это череп первого узбека, — говорит Сережа.

— Почему первого?

— Жил в десятом веке. В это время на территории Средней Азии начала складываться узбекская народность.

— А еще что ты можешь сказать про череп?

— Это был мужчина. Сорока пяти лет. Любил поесть. Вот, пожалуй, и все, что можно сейчас сказать.

— Откуда ты знаешь, что он любил поесть?

— Зубы стертые, — хором отвечают ребята.

— А вот еще любопытная штука, — говорит Валера и протягивает мне конической формы ребристую фигурку. — Наверно, это шахматная фи-

гура или фишка от какой-то игры.

Вечером говорю Набокову о странной фигурке.

— Так это ручка от крышки, — отвечает он. — Как у наших крышек от кастрюлек.

— Вы это точно знаете?

— Конечно, точно.

— Тогда надо быстрее сказать ребятам, а то они думают, что это шахматная фигура.

— Не надо, — улыбается Набоков. — Пусть спорят. Им же интересно самим найти ответ. Они еще и литературу полистают, найдут. Зачем отнимать у них открытие.

ДО СВИДАНИЯ, ШАХРУХИЯ!

Я уже не застаю конец августа, конец полевой практики, уеду в Ленинград. Но я знаю, как это будет. Так же, как было в прошлом и в позапрошлом годах.

С утра ребята в последний раз побегут купаться на Сырдарью. В лагерь пойдут медленно, прощаясь с холмами и летней вольной жизнью. И пролетят над их головами синие птицы, волшебные птицы счастья.

Вроде бы и соскучились ребята по дому, хочется в Самарканд, а уезжать жаль. Теперь всю зиму будут вспоминать Шахрухию и готовиться к новой встрече.

После завтрака погрузят экспедиционные вещи, археологические материалы. И пыля, уйдут машины мимо кукурузных посадок и хлопковых полей.

А Валерий Иванович останется. Ненадолго, на неделю. Ему нужно будет завершить дела, снять планы. Первую ночь он, наверно, проведет в опустевшем лагере. Но очень уж там тихо, печально, пусто. И Набоков перенесет палатку прямо на городище, к раскопу. Но и там все иначе, чем день назад. Не кипит работа, не звенят мальчишечьи голоса. И впервые за лето ощутит он — город мертв, и в одиночку, без ребят, он не в силах оживить его.

Фото В. Клепко

Эти короткие, простые басни возникли в Китае в 3—4 веках до нашей эры. Басни были очень полезным оружием в спорах. Не только простые люди, но и философы, политики, ораторы использовали их для краткого, яркого выражения своих мыслей, идей. Эти древние истории до сих пор в ходу. Потому что в них мудрость, суть которой распространяется на прошлое и на будущее: восхваляется ум, осмеивается глупость, утверждается справедливость.

ДРЕВНИЕ КИТАЙСКИЕ БАСНИ

ЛИСА, КОТОРАЯ ВОСПОЛЬЗОВАЛАСЬ СИЛОЙ ТИГРА

Охотясь в лесу, тигр поймал лису.

— Меня нельзя есть,— сказала лиса.— Небесный император назначил меня владыкой всех зверей. Съев меня, ты ослушаешься его приказаний. Если не веришь, пойдем со мной. Ты сразу увидишь, убегают звери, когда я появляюсь, или нет.

Согласившись на это, тигр последовал за лисой. Все звери, завидев их, уносились прочь. Не сообразив, что звери боятся его, тигр решил, что они боятся лису.

СОВА ПОКИДАЕТ СВОЙ ДОМ

Однажды сова повстречалась с голубем.

— Куда направляешься? — спросил голубь.

— Улетаю на восток,— сказала сова.

— Почему? — удивился голубь.

— Здесь никому не нравится, как я кричу,— ответила сова.— Поэтому я и решила перебраться на восток.

— Если ты сможешь изменить свой голос, тогда все будет хорошо. Но если не сможешь, то и на востоке никто не будет любить тебя.

КАК ПРАВИТЕЛЬ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ВОЕННОГО ПОХОДА

Правитель государства Ву решил напасть на земли Чу. Он строго предупредил своих подданных:

— Если кто осмелится возражать против этого похода, его предадут смерти.

Один из подданных хотел выступить против, но не осмелился. Вместо этого он взял пращу, камни и отправился рано утром в сад, где и бродил, пока его одежда не пропиталась росой. Он делал так в течение трех дней.

— Подойди ко мне,— приказал на четвертый день правитель.— Чем ты таким занимаешься, что твоя одежда мокрая от росы?

— В саду есть дерево,— рассказал поддан-

ный.— На дереве сидит цикада. Цикада устроилась высоко, она поет всюду и наслаждается росой, не замечая, что у нее за спиной притаился богомол. А богомол наклонился вперед, поднял передние лапки, готовясь схватить цикаду, не зная, что поблизости воробей. Воробей тоже вытягивает шею, собираясь склевать богомола, не видя, что кто-то с пращей подстерегает его внизу. Эти три маленькие существа так жаждут попользоваться тем, что находится прямо у них перед глазами, что не сознают опасности, которая у них за спиной.

— Хорошо сказано,— заметил правитель и отказался от своего захватнического похода.

КРЕСТЬЯНИН ИЗ УЕЗДА СУНЬ

Жил крестьянин в уезде Сунь. Однажды трудился он на своем поле. Мимо пронесся заяц, ударился о дерево и упал замертво. Крестьянин бросил мотыгу и стал ждать под деревом, когда прибегут другие зайцы. Однако, ни один заяц не появился на его поле. После этого случая крестьянин стал посмешищем всего уезда Сунь.

ПРАВИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ДРАКОНОВ

Правитель Ие так любил драконов, что велел разрисовать ими весь свой дворец. Однажды

настоящий дракон узнал об этом. Он спустился с неба и просунул голову в дверь, а хвост — в одно из окон дворца. Когда правитель увидел такое, он чуть не лишился рассудка от страха и бросился бежать.

Так что правитель любил не самих драконов, а только их изображения.

СВЯЩЕННЫЙ УГОРЬ

На дамбе Каменной Беседки в Куайчи можно увидеть огромный тополь. Ствол сгнил, в нем образовалась пустота. Во время дождей ствол наполняется водой. Некий купец, торгующий угрями, проезжал как-то по дамбе. Он выпустил одного угря в дупло с водой ради забавы.

Поскольку угри не живут на деревьях, местные крестьяне, увидев угря, решили, что он священный. Они построили храм недалеко от дерева. Каждый день они стали приносить там в жертву коров и быков и назвали это место Храм Угря-прародителя. Они верили, что если помолиться в храме, человек увеличит свое состояние, в то время как того, кто оскорбит бога, постигнут несчастья.

Когда купец возвращался той же дорогой, он увидел такую картину и забрал угря, сварил из него похлебку. Так пришел конец священному угрю.

Пересказал
М. ПАВЛОВ

Рисунки Т. Чурсиновой

Очерки, отрывки из которых мы сегодня печатаем, были опубликованы в «Костре» в разные годы. И если эти маленькие эпизоды заинтересуют вас, ребята, полистайте старые подшивки журнала, и вы многое узнаете о следопытской работе своих сверстников.

«Жму на гашетку — ничего. Кончился боезапас. Мне прямо умереть захотелось с горя!.. И решил: рубану его винтом по хвосту! Прибавил оборотов и рр-раз! И опять летит, гад, дальше — будто ничего не случилось... Но недалеко он ушел. Гляжу — завалился на крыло, и как лист с дерева, вниз... Но и моя машина погибла. Такое дело получилось» — из рассказа летчика Алексея Севастьянова, записанного журналистом прямо в полку после тарана.

«Наш второй на «Миге» кинулся на «Мессера», а о себе уже не думал... В общем, очередь в хвост. Вспыхнул наш «ястребок», пошел вниз... В нем-то и был Алеша Севастьянов. Случилось это 23 апреля 1942 г.» — из рассказа летчика В. Циганенко.

О том, как ленинградские следопыты из 371 школы, ветераны полка искали и нашли место гибели героя, рассказал журналист В. Того в очерке «История одного поиска».

«Костер» №№ 4—5, 1974 г.

«Когда Ванюшка выскочил на насыпь, паровоз выкинул струю пара. Так он и влетел туда со взрывчаткой — под черный паровоз и под белую струю... Взрыв! Нас бросило на землю... А под откос — танки, вагоны с фашистскими снарядами» — из рассказа А. Михайлова, бывшего команди-

ра группы, в которую незадолго до гибели был включен Ваня Плотников.

«Я сперва их за своих принял. А «свои» автоматы с плеча да по нам... Новиков аккуратно за место комбрига был. Он и кричит: «В ружье!» Отбили фрица. Но наших троих они положили. Захарова, Антонова да Колю

Плотникова» — из рассказа И. Удальцова, бывшего политрука партизанской роты.

«...И вот мы увидели незажившую рану на теле земли — глубокую воронку — место взрыва. Здесь совершил свой героический подвиг Ваня Плотников... Отсюда возьмут первую горсть земли парфинские пионеры». «Две вросшие в землю жерди да куст шиповника — все, что осталось со времен войны... Но это она — могила партизана. Отсюда будет взята вторая горсть земли.

Так завершилась эта история. Теперь мы знали все подробности жизни и ранней смерти двух парфинских мальчишек. В 41-м они были еще школьниками. В 42-м — партизанами. Запомни их имена: Ваня и Коля Плотниковы. Они отдали жизнь за Родину» — из документальной повести журналиста В. Того «Две горсти земли».

«Костер», №№ 3—4, 1975 г.

«В Военном Уставе написано: в полку должно быть одно знамя. Но разве мы нарушим Устав, если пионерское знамя поможет нам бить врага? Конечно, не нарушим... Если мы решим знамя оставить в полку, мы должны дать перед ним клятву: сражаться с фашистами до последней капли крови, пока в груди бьется сердце...» — из выступления на комсомольском собрании полка капитана А. Новикова.

О героическом пути боевого

пионерского знамени, под которым в годы Великой Отечественной войны сражался с врагами нашей Родины 1023-й ордена Кутузова стрелковый

полк, читатели «Костра» узнали, прочитав документальную повесть «От Касторной до Кенигсберга».

«Костер» №№ 2—5, 1985 г.

«Но одно помню точно: фашистских танков было шесть и все они двигались на наши позиции. И наступал мой «последний парад». Говорю «мой», потому что все мои товарищи были убиты и из орудия я вел огонь один. В бою был несколько раз ранен и несколько раз терял сознание. А когда загорелся последний, шестой танк, я уже ничего не видел и не слышал и в себя пришел только в госпитале. Врачи мне потом

рассказывали, что открыв глаза, я все кричал: «Огонь! Огонь!», а сам и рукой не мог пошевелить» — из рассказа Героя Советского Союза Владимира Алексеевича Михайлова.

«Наверное, в это трудно поверить, но факты — упрямая вещь: с помощью следопытов 37-й вильнюсской школы два участника Великой Отечественной войны получили звание Героя Советского Союза, один-

надцать человек стали полными кавалерами орденов Славы, двадцать четыре человека — кавалерами ордена Ленина, а еще шестьдесят шесть ветеранов награждены орденами Красного Знамени, Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й и 2-й степени» — из очерка «По следам операции «Багратион» журналиста Валентина Верховского.

«Костер» №№ 9—10, 1978 г.

СТУПЕНЬКИ В НЕБО

Рэй БРЭДБЕРИ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «КТО-ТО СТРАШНЫЙ К НАМ ИДЕТ»

Рисунок О. Филипенко

Ночь пахла так, как будто за городом ветер сметал в барханы мелкий песок древнего Египта. «Странно,— подумал Вилл,— сейчас не до этого, но в голову лезет даже такое: мысли о прахе древнего народа четырехтысячной давности, который разносится по всему миру, и мне грустно, потому что никто ничего не замечает, кроме меня и еще, может, отца, но и мы не говорим об этом друг другу».

Было такое время, что давно пора спать, но они все еще медлили, точно как мальчишки, которые описывают широкие круги, сопротивляясь, сдаваясь с неохотой в плен ночным мыслям. Наступил момент, когда нужно сказать многое, хотя и не все. Пришло время, когда сделаны первые открытия, но не сделаны последние. Они радовались предстоящему разговору, который был очень им нужен. Они чувствовали, что, возможно, откровенность принесет с собой горечь.

И Вилл спросил, наконец, напряженным голосом:

— Папа, я хороший человек?

— Думаю, что хороший. Конечно, хороший.

— А это... это поможет мне, если вдруг станет совсем трудно?

— Поможет.

— Это спасет меня, если мне понадобится помощь? То есть, вдруг вокруг меня плохие люди, ни одного хорошего на сто миль поблизости, как тогда?

— Это поможет.

— Но одной надежды мало, папа!

— Надежда не имеет никакого отношения к твоему телу. Она, прежде всего, для спокойствия духа...

— Папа, но иногда человек так пугается, что даже...

— Что даже теряет и душевное спокойствие? — кивнул отец, у него было взволнованное лицо.

— Папа,— сказал Вилл очень слабым голосом,— а ты хороший человек?

— По отношению к тебе, к маме, да, я стараюсь быть хорошим. Но трудно быть героем в собственных глазах. Я провел наедине с самим собой целую жизнь, Вилл. Мне известно о себе все, что заслуживает внимания...

— И если собрать все в кучу?..

— Результат? Люди приходят, уходят, а я в основном сижу тихо на одном месте, так что у меня все в порядке, да.

— Тогда почему ты несчастливый, папа?

— Лужайка перед домом в... сколько сейчас?.. в половине второго ночи... совсем не место завести философский...

— Я просто хотел знать, вот и все.

Последовало долгое молчание.

Отец взял его за руку, подвел к крыльцу, усадил на ступеньки.

— Хорошо. Мать спит, она не знает, что ты еще на улице, ведешь полуночные беседы. Можем по-

сидеть немного. Итак, с каких пор ты решил, что быть хорошим означает быть счастливым?

— Я всегда так думал.

— Ну, а с этих пор запомни, что все наоборот. Человек, который выглядит счастливейшим на свете, с самой приятнейшей улыбкой, иногда оказывается самым отъявленным негодяем. Есть улыбки и улыбки; научись отличать черные от светлых. Время от времени мы удовлетворяем свои аппетиты у кормушек, а не у столов. Услышишь человека, который слишком громко восхваляет другого, и задай себе вопрос: уж не от корыта в свинарнике он только что оторвался? Видишь ли, Вилл, быть хорошим — тяжелое бремя, оно давит на человека, а иногда просто ломает. И еще странная вещь, сынок, странная и печальная: ты всегда гоняешь вон там по границе лужайки, а я сижу в библиотеке среди книг, хотя это так, я недавно понял, что ты мудрее, сообразительнее меня, более развит, мне никогда таким не быть...

— Что ты, отец! — сказал Вилл.

— Именно так. Я был бы глупцом, если б не знал, что я глупец. Моя единственная мудрость в этом: ты мудр.

— Смешно,— сказал Вилл после долгого молчания.— Сейчас ты рассказал мне больше, чем я тебе, но я еще подумаю и, может быть, расскажу тебе все за завтраком, хорошо?

— Я буду готов к разговору, если ты решишься.

— Потому что... я хочу, чтобы ты был счастливым, папа.

Он ненавидел слезы, которые выступили у него на глазах.

— У меня все будет хорошо, Вилл.

— Я что угодно сделаю или скажу, чтобы сделать тебя счастливым, обязательно.

— Вилли, Вильям. Просто скажи мне, что я буду жить вечно. Этого будет достаточно.

«Какой у него голос,— подумал Вилл,— я до этого не замечал. Он такого же цвета, что его волосы».

— Папа, послушай, ты будешь жить всегда! Помнишь, ты болел несколько лет назад, да — но это прошло. Ну и что, тебе пятьдесят четыре, ты совсем не старый!..

А потом, словно по команде, оба повернулись к дому. Время прошло, час был поздний, было сказано достаточно, они верно почувствовали, что пора возвращаться.

— Как вышел из дома, той же дорогой и иди обратно,— сказал отец.

Вилл подошел молча и нащупал железную скобу, которая пряталась под шелестящим плющом.

— Папа, пожалуйста, не убирай эти ступеньки, хорошо?

Отец потрогал одну из скоб.

— Когда-нибудь, если устанешь лазить по ним, уберешь их сам.

— Я никогда не устану.

— Ты так думаешь? Да, когда человеку столько, сколько тебе, ему кажется, что ничего и никогда ему не надоест. Ладно, сынок, давай наверх.

Вилл видел, как отец провел взглядом по плющу вдоль тайной тропы.

— Ты тоже хочешь залезть по ступенькам, да?

— Нет, нет,— ответил поспешно отец.

— Если хочешь, то пожалуйста,— сказал Вилл.

— Нет, ничего, полезай.

Но он по-прежнему смотрел на плющ, который шелестел в раннем утреннем свете.

Вилл подпрыгнул, ухватился за одну, за другую, за третью скобу. Он глянул вниз.

Уже с этой небольшой высоты отец выглядел каким-то маленьким, съежившимся, и ему стало как-то жаль оставлять отца там на земле, там в темноте, как будто он брошен всеми на свете; его рука поднялась, чтобы двинуться выше, но не двинулась.

— Папа,— прошептал он.— Давай со мной, смелее!

«А разве кто боится?!» — был немой выкрик отца.

И отец прыгнул.

И, смеясь беззвучно, мальчик и мужчина стали карабкаться по стене дома, упрямо, скоба за скобой, шаг за шагом.

Вилл услышал, как отец сорвался, забился, схватился за скобу.

«Держись крепко!» — подумал он.

Отец тяжело дышал.

Зажмурившись, Вилл молился: «Держись... ну... пожалуйста!..»

Старик захрипел, выдыхая, втянул воздух, выругался свирепым шёпотом, снова полез вверх.

Вилл открыл глаза и тоже полез, и остальной путь был спокойным, все выше и выше, великолепно, радостно, чудесно, вот и добрались! Они вскарабкались на подоконник, уселись рядом, равные, неизменные, окрашенные оба тем же звездным светом, они сидели, обнявшись, в сладком радостном изнеможении, давясь большими глотками воздуха и смеха, который сотрясал их тела, страшая разбудить всевышнего, окрестности, жену, маму, преисподнюю, они зажимали друг другу рот изо всех сил, чувствуя, как изнутри у каждого бьет трепещущее теплое веселье, им хотелось сидеть еще и еще, глаза их сияли и были влажными от любви друг к другу.

Перевел с английского К. ВАСИЛЬЕВ

ПИСЬМО МЛАДШЕМУ БРАТУ

Привет, братик!

Служу. Привыкаю помаленьку. Помнишь, до армии я любил поспать. Сначала мама, затем товарищи в студенческом общежитии по целому часу будили меня и не всегда успешно. Поэтому труднее всего в первые дни службы привыкнуть к команде: «Подъе-ем!»

«Подъем!» — и за сорок пять секунд надо откинуть одеяло, прыгнуть на пол, намотать портянки и бежать строиться, чтобы не опоздать на зарядку. Если в спешке неправильно намотал портянку — ой...

Во время зарядки мысли опять о «гражданке». Помнишь, как мой друг Серега пытался увлечь меня бегом. Но меня хватило только на два дня. А зря. Сейчас бы пригодилось. Первое время бежал и ругал на чем свет стоит никуда не годную «дыхалку» и свою лень. Так что, учти на будущее.

В армии все надо делать самому, не то, что дома. И мы подшиваем воротнички, стираем и гладим «хэбэ» (так называется повседневная форма), моем и убираем казарму. Даже стены в умывальнике плиткой выложили. Ты спросишь: «А это зачем?» Такая традиция — каждый старается сделать казарму уютней. Я тоже удивлялся, когда сюда приехал, увидев в казарме аквариум с рыбками. Вернусь после службы — домой — удивлю родителей, когда ванну плиткой выложу.

А вчера, готовясь к строевому смотру, узнали, сколько имущества положено солдату.

— Парни, я уже замучился, — взмолился Андрей Евтин из Волгограда. — Как ни укладываю вещмешок, а из него что-нибудь торчит и в спину давит.

И тут же, чтобы человек не раскис, в ответ — шутки и прибаутки:

— А зубная паста с мылом и полотенцем зачем? На курорт, что ли, собрался?

— А чем у нас не курорт? Юг, солнышко светит.

Видел бы ты меня в полном боевом! Сзади вещмешок, справа — автомат, слева — противогаз. На ремне — фляжка и подсумок с запасными магазинами.

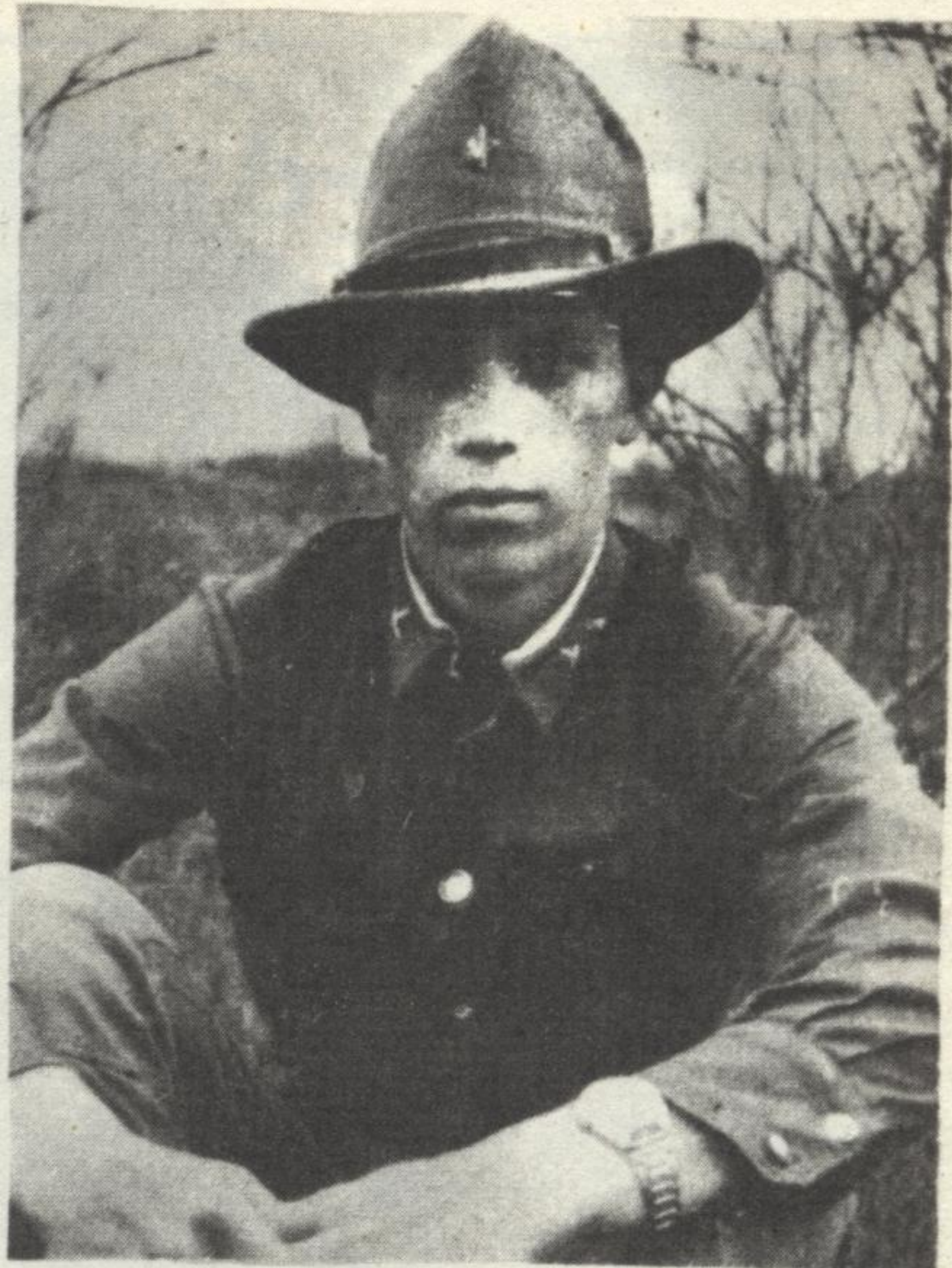
С таким снаряжением сразу почувствуешь себя солдатом.

Завтрак, обед, ужин, конечно, светлые минуты. И письма. Их ждешь каждый день. С интересом читаешь о любой мелочи гражданской жизни. Так что, пиши почаще и побольше.

Что мне здесь пригодилось, так это мое умение делать стенгазету. Ребятам и начальству понравилось, что все заметки в ней как дружеский разговор, искренний, без казенных слов. Редактировать стенгазету — мое комсомольское поручение.

Курсанта Тимошина попросил рассказать о том, как в первый раз был дневальным. Он написал: «Перед дежурством мне выдали штык-нож. Стою у тумбочки и чувствую ответственность за порядок в батарее. Когда учился в школе, порой тоже был ответственным за разные мероприятия, но ответственности почему-то не чувствовал».

А Володя Фомин написал, как трудно было привыкнуть к армейскому порядку, где все по Уставу и никакой самостоятельности, кроме художественной. Ему нравится, что попал

в артиллерию. Раньше он думал, что артиллерия — это только из пушек стрелять. Оказалось, много работы творческой: вычислить точные координаты цели, используя электронно-вычислительную машину, радиолокационные станции и другую современную технику.

Многие у нас родителям пишут, знакомым девушкам пишут, а младшим братьям только приветы передают. Командиры спрашивают, что же вы про них забываете? Чем больше они о ней узнают, тем раньше начнут к ней готовиться, тем легче им будет служить.

Скоро мы будем принимать Присягу. Все ждут этот день. Обещаю написать о нем подробно. А сейчас — скоро отбой. Поэтому закругляюсь. После отбоя засыпаешь почти мгновенно. Засыпаешь, а мысли уже в завтрашнем дне: успею ли хорошо намотать портянки, как пробегу кросс, кого пошлют в наряд...
Твой брат рядовой С. Дроздов

СКАЗОЧНЫЙ СЕКРЕТ

Джанни РОДАРИ

Сказки Джанни Родари поэтичны, а стихи — сказочны. «В любой привычный нам предмет запряган сказочный секрет», — утверждал он в одном из своих стихотворений. А в другом писал: «В хорошей сказке — все, как в жизни».

В молодости Родари был учителем. «А что будет, если...» — говорил он, входя в школьный класс. Что будет, если кошки начнут ходить в школу? А Луна развалится на кусочки? А глупейшие грамматические ошибки заживут своей жизнью?

Именно из таких совместных игр-фантазий рождались многие сказки. И многие его стихотворения.

Своих ребят учитель Джанни Родари воспитывал сказочниками. Он очень хотел, чтобы дети, становясь взрослыми, не теряли свойственного им «сказочного» взгляда на мир. Он считал, что мир, населенный сказочниками, должен быть добрее и сплоченнее.

ЭЙ, КТО СВИСТИТ?

Эй, кто свистит?
Свистит судья,
Свистит
Скворчиная семья,
Свистит
Старинный пароход,
Ползущий по реке вперед.

Эй, кто свистит?
Да это я!
Прошу прощения, друзья!
Упала клякса на тетрадь —
Ну как ее не освистать?

СИМОНА И ЛУНА

В небе — Луна,
Словно ломтик лимона.
По темной дороге
Шагает Симона.
Если Симона
В пути отдыхает,
Тут же
На небе Луна замирает.
Но стоит
Вприпрыжку пуститься Симоне,
Луна за Симоной
Несется в погоню!

Перевел с итальянского
Ю. ИЛЬИН

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПЛАТЬЯ

Тугими снопами
Созревшего льна
Телега крестьянина
Верхом полна.

Крутятся быстро
Колеса станка...
Лента материи —
Словно река.

Веселый художник
Взял кисти и краски.
На ткани
Рисует аютины глазки...

Портниха усталая
Ночь напролет
Модное платье
Без отдыха шьет.

Вот платье
Отправлено в лавку, и вскоре
Продано
Важной-преважной синьоре.
Любуются платьем
Подруги синьоры,
О платье
Часами идут разговоры.
В театре, на улице, дома
Синьора лепечет знакомым:
«Супруг
Раздобыл мне чудесное платье!»

О прочем
Она не имеет понятия...

КОМО В КОМОДЕ

Как-то раз сидел я дома
И писал про город Комо.
Невзначай в своем труде
Я добавил букву «Д».

В тесных ящиках КомоДа
Оказалась тьма народа!
Все люди возмущаются —
КомоД не открывается!

Но вот нашелся в нем школяр,
И он сказал: «Какой кошмар!»
И он сказал: «Спасенье есть!
Раз мы сидим в КомоДе,
Мы букву «Д» должны стереть,
И будем на свободе!»

И с этих пор гремит молва,
Молва героя славит,
Который буквы и слова
Всегда НА МЕСТО ставит!

КАРЛО И ДЖИНО НА ПРОГУЛКЕ

Дождлив и темен горизонт.
По лужам шлепать —
Так приятно!
Идет по лужам
Мокрый зонт,
Но как шагает —
Непонятно!

Гляди внимательно!
Поймешь ты!
Из-под зонта
Торчат калоши.
Гуляет Карло
Вместе с Джино...

Вполне обычная картина!

АРТЕКОВЦЫ

Трудно найти в нашей стране человека, который бы не читал в детстве «Приключения Буратино, или Золотой ключик» Алексея Толстого, «Волшебник Изумрудного города» Александра Волкова, «Путешествие голубой стрелы» Джанни Родари. Эти книги давно стали классикой детской литературы. Но говоря о лучших изданиях этих замечательных книг, необходимо назвать имя еще одного автора — художника Леонида Викторовича Владимирского. Ведь именно он помог так зримо представить образы Буратино, Папы Карло, Страшилы, Гудвина и еще многих-многих любимых литературных героев. Недаром большинство читателей, отвечая на анкету «Пионерской правды», назвали Владимирского своим любимым художником.

Накануне всесоюзного пионерского слета Леонид Викторович побывал в Артеке. На этот раз художник рисовал не сказочных персонажей, а пионеров, с которыми успел познакомиться. Свои работы он передал в «Костер». Печатавая портреты артековцев, «Костер» хочет, чтобы с ними познакомились и все читатели нашего журнала.

ИСТОРИЯ ЗАСАМАРСКОЙ СЛОБОДЫ

Когда новый учитель истории Василий Михайлович Круглов возглавил в 57-й куйбышевской школе следопытский отряд, начинать пришлось с нуля. Оказалось, что ни ребята, ни преподаватели не знают даже, сколько лет их школе.

Решили для начала обследовать свою старую школу — от кладовки до чердака. И вот в ворохе бумаг, предназначенных в макулатуру, обнаружилась первая находка — групповая фотография учителей и учеников. Снимок был сделан в июне сорок первого...

А вот еще находка!

Алеша Рыбнов держал в руках запыленный альбом с фотоснимками и записями ребят 60-х годов об истории их 57-й. Из записей следовало, что до революции на месте здания школы по улице Главной были сенная и дегтярная лавки Журавлевых, продуктовая лавка и одноэтажный кирпичный дом Колодиных. От нынешнего центрального входа в школу до ворот с улицы Мельничной располагалась «казенка». Во дворе находились винные погреба из кирпича необычной круглой формы. До настоящего времени сохранилась одна из

таких построек в соседнем со школьным дворе по улице Мельничной, 3. Вот на этом месте, как вытекало из записей в альбоме, в 1936 году впритык к старому зданию построено новое и открыта школа № 57.

— Выходит, нашей школе больше полувека, — уважительно заметил Миша Криворотов.

— Осталось выяснить еще два вопроса, — объявил Василий Михайлович. — Где учились ребята из нашего поселка до 1936 года и что размещалось в старой части школьного здания? Старожилы утверждают, что там еще до революции был игорный дом. Но не слыш-

ком ли много места для такого заведения?

Сомнения подкрепляли хранящиеся в школьной библиотеке книги со штампом школ № 9 и № 73. Что это, подарок? Но разве дарят одной школе книги со штампом других школ? Да и поблизости нет таких ни в Куйбышевском районе, ни в соседних — опять загадка. Посоветовались с директором школы. Людмила Александровна предложила:

— Давайте посмотрим все сохранившиеся классные журналы и приказы. Может быть, они помогут решить загадку.

Под обложкой одного из старых классных журналов обнаружили похвальный лист ученицы 2-го городского приходского смешанного училища Симаковой Евдокии, выданный ей... в 1907 году! — к двум загадкам прибавилась еще одна. Как все это совместить: школа № 9, № 73, и вот еще второе городское приходское училище? Следопыты чувствовали: тут есть какая-то связь, и она, по-видимому, имеет прямое отношение к их сегодняшней, 57-й. Но где найти подтверждение? И вдруг — новость! Принес ее с торжествующим видом Сережа Тамтура. Его внимание привлекло старое-престарое пианино, стоящее под лестницей аварийного выхода. Никому оно не мешало, ни у кого не вызывало ни малейшего любопытства. Сережа обнаружил внутри пианино старый документ — паспорт неполной средней школы № 73 с планом школы, с указанием даты ее основа-

Заводская часть Засамарской слободы. Фото конца XIX века

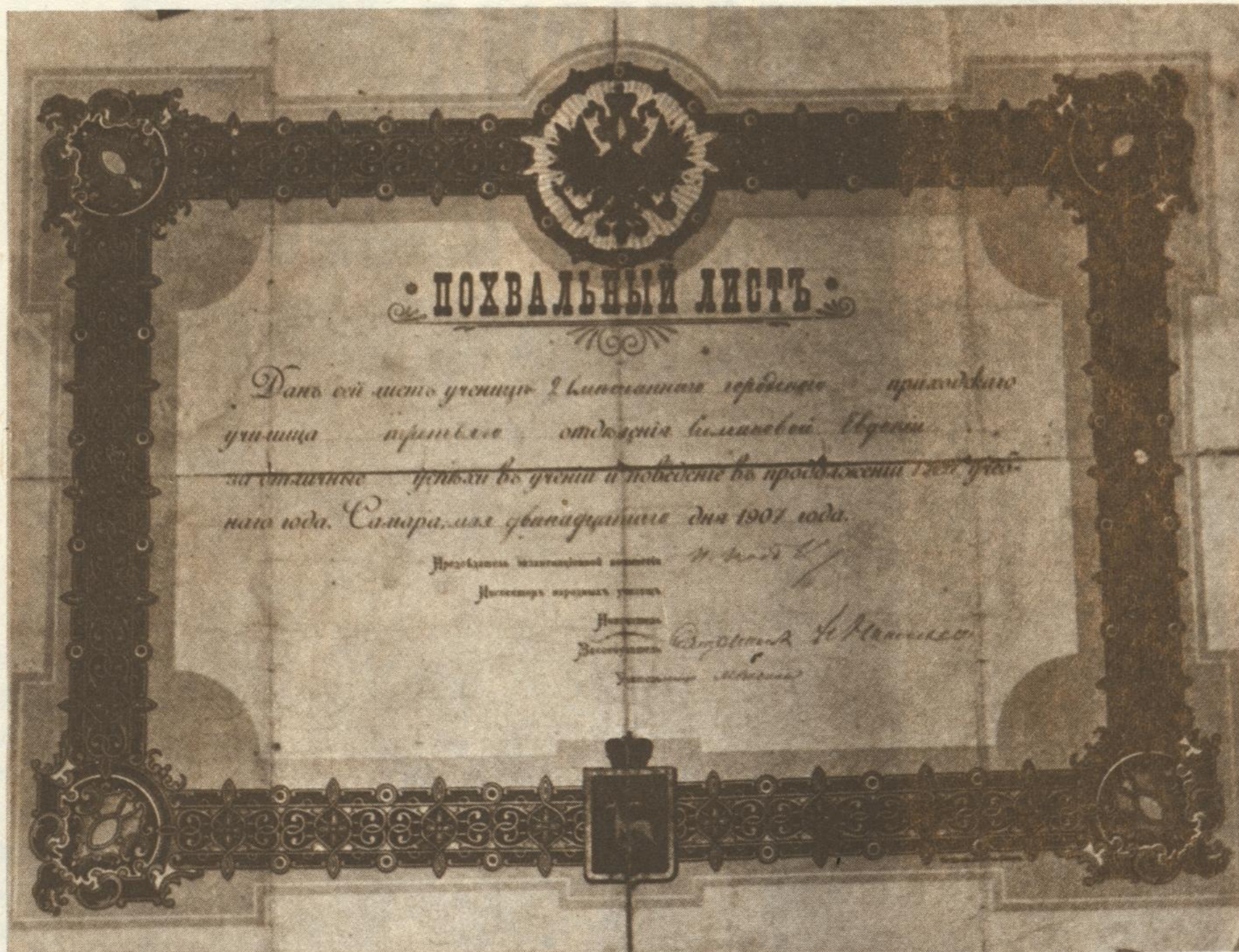
ния — 1917 год и даты постройки здания — 1895 год. Теперь не оставалось никакого сомнения: 73-я — это прежний номер их сегодняшней, 57-й. Значит, она не 1936 года рождения, а 1917-го, ровесница Октября!

Тот же неугомонный Тамтура задумался уже над новым вопросом: из паспорта следует, что старое здание было построено в 1895 году. Что же в ней было до 1917 года, до Октябрьской революции? Вспомнили про похвальный лист Евдокии Симаковой и про штампы на библиотечных книжках — школы № 9. Василию Михайловичу Круглову было известно, что в Куйбышеве проживает краевед Олег Сергеевич Струков, знаток истории городских административных зданий. У него дома свой архив.

Олегу Сергеевичу потребовалось всего 2—3 минуты, чтобы отыскать в картотеке нужные гостям сведения. Да, в 1896 году в доме по ул. Мельничной, 5 в Засамарской слободе открыто 2-е смешанное городское приходское училище; после Октябрьской революции оно стало именоваться школой № 9, затем № 73.

В доме у Струкова ребята завели речь и о Засамарской слободе, о которой знали пока еще слишком мало. В первую очередь следопытов интересовала ее революционная история, если она, конечно, имеется: крупных промышленных предприятий не было, а именно там создавались первые в городе большевистские группы. Это ведь не «трубочный», ныне завод имени Масленникова, где поднимали самарских рабочих на борьбу с царизмом Валериан Владимирович Куйбышев и его соратники, или железнодорожное депо, тоже известное своими революционными традициями. Но с другой стороны, жителей их старого поселка отделяла от города всего лишь узкая речка. Разве может она отгородить слободчан от пламени революционной борьбы, разгорающимся по ту сторону мирно текущей Самарки.

Круглов с ребятами направи-

Похвальный лист ученицы 2-го городского приходского училища (1907 г.)

лись в областную библиотеку им. В. И. Ленина. Сотрудники книгохранилища бережно положили на стол перед юными исследователями подшивку газеты «Самарский курьер» за 1905 год. Первый раз в жизни видели школьники газету столь далеких времен. С нескрываемым любопытством просматривали страницу за страницей. Словно бы попали в неведомый и до чего непохожий на сегодняшний мир, и никому не верилось, что мир этот находился в том же городе, где они сейчас живут, ходят по тем же улицам мимо домов, немало из которых стояло и тогда, 80 лет назад. На одной из страниц «Самарского курьера» — за 27 января 1905 года — короткое сообщение о забастовке рабочих-мукомолов за Самаркой, начавшейся 19 января на мельнице торгового дома Бобермана. Вот что говорилось дальше: «...отсюда они (рабочие) направились на близлежащую мельницу Шихобалова.., рабочие ее, соединившись с пришедшими, двинулись на третью засамарскую мельницу — «Товарищество».

— Вот видите, — не удержалась Наташа Волкова вопреки

предупреждению сотрудников не разговаривать громко, — и наша слобода не была в стороне от революционных событий 1905 года!

Про строгое предупреждение разом забыли все.

— Олег Сергеевич упоминал лишь о двух мельницах, а согласно этой заметке, в слободе была еще и третья — Шихобаловская.

— Василий Михайлович, давайте ее отыщем, — предложил Володя Серов.

Круглов кивнул.

А вскоре Игорь Теплов привел в школу разысканного им старожилу слободы Николая Алексеевича Дубровина.

Память у Николая Алексеевича, несмотря на его 82 года, удивляла всех. Еще больше удивились школьники, узнав, что он до сих пор работает лесником и всю местность в округе знает как свои пять пальцев. С охотой вороша прошлое, старик упомянул и о трех мельницах в слободе. Хитро прищурившись, Круглов спросил:

— А вы не ошибаетесь насчет третьей, Шихобаловской? Может, ее не было в слободе?

— Это я ошибаюсь? — напустился на него лесник.—

Да я возля этой мельницы свою лодку, почитай, сколь годов ставлю. Ежели хошь, хоть щас покажу.

По берегу реки Татьянки, притока Самары, дошли до нужного места. Прямо к воде подступает строение из красного кирпича с отвесной стеной, похожей на крепостную. Здание явно дореволюционного времени. Это и есть бывшая мельница Шихобалова, та самая, куда 19 января 1905 года с революционными песнями пришли рабочие мельницы Бобермана и все вместе отправились к мельнице «Товарищество», где состоялся митинг, может быть, первый, подумали ребята, за всю историю Засамарской слободы.

А напротив — Коровий остров. Ну и придумали же название!

В тот раз ребятам и в голову не могло прийти, что соседний островок с эдаким смешным названием очень скоро захватит воображение всех без исключения следопытов, включая их руководителя. Началось это с подготовки к районной краеведческой олимпиаде. Темой выступления на ней представителей школы № 57 должна быть история Засамарской слободы. В местной литературе по краеведению следопытам попалось на глаза несколько строчек, от которых у юных исследователей дух захватило. Говорилось, что 2-го мая 1896 года самарские социал-демократы организовали первую в городе маевку на... Коровьем острове! Назывались имена ее организаторов: Александр Малышев, Михаил Григорьев, Яков Пятибратов, Василий Шишкин, Тимофей Козлов, Павел Беляевский.

На Коровьем острове! Рядом со школой! Где они только что были!

— И обратите внимание,— вставила Лена Мошкова,— наша школа, оказывается, ровесница первой маевки!

— О первой в городе маевке и что бы так мало!..

Круглов подзадоривал ребят:

— Радуйтесь, что вам пре-

Предвоенный снимок учителей и учеников
7-б класса 57-й школы

доставлена возможность заполнить белые пятна истории своего поселка.

Снова копались в краеведческих справочниках и кое-что обнаружили в дополнение к тому, что уже узнали раньше.

В 1905—1906 годах — более десятка забастовок и демонстраций рабочих мельниц «Товарищество», Бобермана и Шихобалова. А 15 апреля 1909 года — собрание социал-демократических кружков города за рекой Татьянкой на Коровьем острове; принято важное решение о создании центральной социал-демократической группы.

31 мая 1915 года — партийное собрание Самарской организации РСДРП.

В июне 1918 года — городская конференция там же, на Коровьем острове; избран городской комитет РСДРП.

Заинтересовало следопытов сообщение и о том, что в 1895 году на Коровьем острове бывал А. М. Горький с сотрудниками редакции «Самарской газеты», где он тогда работал.

Вот, собственно, и все, что могли почерпнуть ребята из краеведческой литературы в местных библиотеках. Но ведь еще имеются областные архивы. Послали запрос в архив

обкома партии. Официальная бумага оттуда пришла быстро, но радости ни у кого не вызвала. Сотрудники партархива сообщали, что документов о перечисленных следопытами событиях 1896, 1909, 1915, 1918 годов в партархиве нет. Столь же неутешительный ответ поступил из областного музея краеведения. Тогда отправили подробное письмо в Центральный архив Октябрьской революции.

Миновал месяц, второй... четвертый... Москва молчала. Валера Лаишев мрачно пошутил:

— Наверное, придется переименовать наш Коровий остров в «Остров несбывшихся надежд».

Наташа Волкова с неожиданной силой перебила:

— А я назвала бы его «Остров буреветников» и памятник поставила бы там!

И долгожданный ответ пришел!

В пакете — ценнейший документ — фотокопия заключения по дознанию о социал-демократической группе Михаила Григорьева от 7 октября 1896 года за подписью министра юстиции Муравьева.

Куйбышевские следопыты узнали еще о шестнадцати

революционерах, входивших в группу Михаила Григорьева.

Чтобы получить более полные сведения обо всех членах подпольной группы Михаила Григорьева, ребята решили направить запросы в архивы тех мест, куда были сосланы организаторы первой саратовской маевки.

Чрезвычайно интересный материал поступил в 57-ю школу из Уфы. В Уфимскую губернию был сослан Яков Пятибратов. Партийный архив подтвердил, что Я. С. Пятибратов действительно отбывал наказание в Мензелинском уезде Уфимской губернии. В ответе партархива упоминалось также, что Я. С. Пятибратов после отбытия ссылки вел революционную деятельность в Саратове.

Под его влиянием и руководством получил революционную закалку Петр Заломов, ставший прототипом Павла Власова в романе М. Горького «Мать».

Кропотливый сбор документальных материалов и реликвий, их изучение положили начало школьному музею. В 57-й куйбышевской все: и сбор материалов, и оборудование музея от брусков для стенов и до осветительных установок — все сделано пионерами и комсомольцами. Все в школе одинаково радуются каждому новому документу, представляющему историческую ценность, как, например, оригинал текста Конституции РСФСР 1918 года, четыре грамоты первых пятилеток, продовольственная карточка военного 1942 года и др. Побывавшие в школьном музее сотрудники областного музея краеведения насчитали там более 10-ти экспонатов, подлежащих государственному учету. Отдельными документами заинтересовались работники Куйбышевского филиала Центрального музея В. И. Ленина. А бюро путешествий и экскурсий Новокуйбышевска даже включило посещение этого музея истории рабочего поселка в один из своих экскурсионных маршрутов.

Руд. ЕВИЛЕВИЧ
Фото А. Зенцова

НЕ НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ТРУДНЫМ!..

Писать обо мне?.. Я же еще ничего не совершил. Обыкновенный человек. А-а! Понятно: «трудный подросток», на учете в детской комнате милиции... Совершил, совершил. Давно же это было! Два года назад. Я уж и забыл совсем, да и неинтересно это... Я тогда как во сне жил, один день от другого ничем не отличался... Хорошо, если вам любопытно — расскажу, только не называйте меня «трудным».

Тогда так и договорились. Зовут меня — Слава... Фамилия... Обойдемся без фамилии...

Началось это в классе шестом. Вроде бы — ничего особенного не происходило, я ведь неплохо учился... Правда, были и пятерки и двойки, но хороших оценок все-таки больше. Потом...

Что-то произошло у меня с

учительницей. Я потом много об этом думал, но никак не могу вспомнить — что!.. Только стал вдруг замечать ее недоброжелательное внимание — что бы я не сделал, мои слова и поступки вызывали у нее приступ злости и раздражения! Посыпались двойки. Учить, мне казалось, было бессмысленно — все равно я мямлил, заикался... она злилась... класс посмеивался...

Родители обыкновенные. Мама — в детском саду работает, отец — в одном морском учреждении, названия никак не запомню... Раньше я свою фамилию любил, а теперь знал, что если ее произнесли — значит, предстоит пытка у доски... Стал вести себя «назло всем»...

Сейчас даже смешно иногда — зачем? И почему в эту

детскую борьбу так охотно включились взрослые? Неужели так задевал их педагогический авторитет? Нет, не знаю... До сих пор не пойму...

Словом, везде плохо. Дома — крик и слезы, в школе — одергивания и двойки... Тупик! Стал болтаться на улице...

Чем занимались? Дайте вспомнить... Ничем... Ходили, стояли в подъездах, ходили в кино, говорили про фильмы... Нет, книг не читал...

В школьные кружки и секции меня и моих приятелей не тянуло. Неинтересно было. Любили ходить в кино, особенно на боевики и комедии. На некоторые по несколько раз. А что? И время проходит и интересно.

В школу ходил. Перебивался с двойки на тройку. Некоторые преподаватели давно на меня рукой махнули — и, знаете, и мне и им спокойнее стало! Как говорится, статус мой определился.

Однажды я не один-два урока прогулял, а весь день! Ну, думаю, нагоняй в школе будет — ой-ой-ой! А ничего... Обошлось... Классная только спросила: «Где был?»

Я что-то придумал, она осталась довольна. Главное, чтобы правдоподобно было...

Вот я сейчас рассказываю и думаю: во всем-то у меня выходит школа виновата... Может, и не так все это. Обычное учреждение. Со своими правилами и законами. Глупый я был. Помните я о прогуле говорил? Правдоподобная ложь — и все мне сошло! Там ведь очень легко «изобразить»... Непонятно? Ну, как бы вам объяснить? Вот была у нас активистка... Нормальная девчонка — курить раньше пацанов стала, мальчики «фирменные» вокруг нее... Но «изобразить» могла: «Позорят честь класса!..» — и все такое прочее...

А мама очень за меня боялась. Все надеялась, что возьмусь за ум... Кстати, я тогда нормально себя вел. Не курил, не увлекался вином... Что? Сейчас? Покуриваю немного, а вот от спиртного пользы не вижу... Да, тогда у нас нормальная компания образовалась.

В школу не очень ходили, считалось «шиком» пройти на фильм «до шестнадцати», узнать слова новой песенки...

Так и жил до одного из ноябрьских дней. Праздник был. Родители сидели за столом со своими друзьями, в кино не попасть. Дождь, помню, моросил... Идем, смотрим — машина новой марки. Обступили, стали рассматривать... Брелок в виде чертика болтается. Кто-то говорит: «А ведь чертик-то этот на ключах висит!» Зачем? Почему он оставил машину открытой? Да еще ключи не унес!..

«Покатаемся?» — спросил кто-то... Что? Нет, не помню. Нас и в милиции об этом спрашивали: «Кто сказал первый?» А тот, кто это сказал, может, пошутил! Сели... Нам очень понравилось вот так развалиться в удобных креслах. Даже закурили. Володька говорит: «Поехали?» «Ты же не умеешь!» «Спорим!» Он сел на переднее сидение и стал заводить машину. Сначала она дернулась и тут же заглохла. Мы расхохотались. А потом он все-таки завел, и мы поехали... Потом нас задержали... Меня поставили на учет в детскую комнату милиции. Сейчас хожу туда, отмечаюсь.

Сегодня я бы такого не сделал... Зачем? Глупость. А тогда... Скучно было... А мать жалко. Плакала она очень. У отца на работе были неприятности...

Что вы все про книжки спрашиваете? Фантастику люблю... Что еще? Не помню. Некогда... В театры? Несколько лет были со школой в этом... Ну, там еще памятник такой высокий... Вот вот — Пушкинский. Не понравилось. Кино — лучше. Потом мы еще в классе сочинение писали: «Что нам понравилось»... Я что-то сочинил. Сошло. Зачем им правда? Главное — чтобы как все...

После этого случая с машиной мне, как сказали учителя отцу, — остался один путь: в ПТУ!

Генка с нашего двора притащил меня сюда в это училище на репетицию своей группы... Сажу я в зале, а на сцене над-

рывается Генка. Рок! Слова — свои! Закончили они и спрашивают какого-то мужика в первом ряду... Он там сидел и слушал... Сейчас-то я знаю, что он преподает эстетику, а тогда: мужик и мужик... Обыкновенный такой... Галстук, рубашечка, прическа... Такие страшно не любят современную музыку. И верно! Он говорит Генке, что слова в их песне какие-то пустые, глупые. Учиться, говорит, нужно у народной песни... Генка тогда рукой махнул, и они во все свои децибелы грянули: «Ах вы сени мои, сени! Сени новые мои!..» Потом — «Барыню»... Ну, думаю, все! У нас бы в школе!! А мужик смеется. «Это — аргумент! — говорит. — Плясовая не нуждается в серьезном тексте!» Представляете?! «Только, — говорит, — вы не для дискотеки ведь собираетесь? Неужели вам сказать нечего?»

И стали они о чем-то спорить...

А я подумал: «Все! Костями лягу — а поступлю именно сюда!»

Еле протянул этот год.

Другая жизнь. Другие интересы.

Учусь на оператора станков с ЧПУ. На занятиях у нас совсем по-другому. Если что-то не нравится — можешь сказать. Мы для мастера или педагога

здесь — нормальные, толковые ребята. Поначалу мне это было в диковинку, а потом привык... Многие сами решаем. Не так чтобы «изобразить», а по-настоящему.

Я, конечно, сразу в эту рок-группу записался. Сами пишем стихи, сочиняем музыку... Ребятам нравится... И Марине тоже... Марина? Один хороший человек. У нас учится.

Здесь я хоть немного узнал о современной моде, музыке. К нам на вечера даже из соседних школ приходят.

Все у меня нормально. Двоек нет... Практика — нормально... Научился отвечать за свои поступки. А на глупости времени не хватает. Судите сами: учеба, практические занятия, репетиции. Даже постричься некогда... Видите? Помню в школе — шиком считалось носить длинные волосы... Да при чем тут мода?! Можно быть модным, а можно ее изображать, подражать.

Давайте заканчивать, хорошо? У нас перерыв кончается. Интересно вам было? Может, про машину — не надо писать? Не этот бы случай, так что-нибудь другое произошло... Ну, как хотите.

Знаете сколько вам нужно калорий, витаминов, и этих... белков и углеводов? Нет? И я не знаю... Раньше меня все насильно пичкали: «Ешь!» Или: «Учись!» И я давился... Сачковал... А теперь у меня аппетит появился! Вырос, наверное, а может, что-то другое произошло. Как вы думаете?

Кстати, на днях опять в детскую комнату милиции вызывают. Обещают снять с учета... Я понимаю: угон машины — это преступление... Но раньше-то, до этого случая, кому я был «трудный»? Обыкновенный, поэтому, был. Но мне иногда кажется, что не я сам был нужен школе, а мои отметки и поведение. Чего так на меня злиться-то было? Пацан ведь еще! Глупый, одинокий и беспомощный пацан... Что вы смеетесь? Два с половиной года прошло! Целая вечность! Так что, не зовите меня трудным...

Записал С. АНДРЕЕВ
Фото А. Медведникова

Мы попросили прокомментировать Славин рассказ **Татьяну Евгеньевну КУРОВУ**, капитана милиции, участкового инспектора по делам несовершеннолетних. В инспекции она работает одиннадцать лет, выпускница Ленинградского педагогического института им. Герцена.

— Я читала этот материал, и он звучал для меня голосами сотен мальчишек, прошедших через нашу инспекцию. Мальчишек с изломанной судьбой. Многих из них ни мы, ни семья, ни школа не смогли удержать от последнего шага — преступления.

То, что происходило со Славой, настолько типично, что укладывается в нехитрую схему. Конфликт в школе, отторжение от класса, конфликт с родителями — это начало. Если ни учителя, ни родители, ни одноклассники не приходят на помощь, мальчишки начинают пропускать занятия и... искать другую компанию. Где совершенно иные ценности и ориентиры. Здесь хорошо то, что плохо в школе и семье. Нахватал двоек, нахамил — наплюй и забудь, пропустил уроки — молодец, нечего там делать.

Славе просто повезло, что, угнав машину, мальчишки не разбили ее, не сбили кого-нибудь, сами не покалечились. Еще одна счастливая случайность — Слава увлекся музыкой. И в группе, где он стал играть, оказались стоящие ребята.

А вот Славины одноклассники проявили полное равнодушие к его судьбе. Мальчишка у доски заикается, а класс посмеивался. Стал пропускать занятия, вести себя «назло всем» — пусть выпутывается сам. Знаю немало случаев, когда одноклассники даже подстрекали таких, как Слава, на грубость учителям. Ты, мол, «трудный», тебе сойдет с рук, а для нас устройшь «цирк».

И еще знаю — иному «трудному» вызов на педсовет не в новинку, все, что там говорится, он встречает в штыки. А вот мнение одноклассников, и не просто осуждение, но и желание, готовность помочь, значит для таких ребят очень много.

Послесловие редакции: Мы обращаемся ко всем нашим читателям — есть ли подобные ситуации у вас в классе или в школе! С какими проблемами и трудностями вы сталкиваетесь! Возможно, захотят обратиться к вам за помощью ребята, с которыми случилась история, похожая на Славину. Откуда берутся «трудные»? Давайте подумаем вместе.

Фото
Б. Гесселя

Андрей Вознесенский живет в г. Пушкине, учится в 7 классе. С пяти лет интересуется насекомыми. С четвертого класса занимается в кружке юных энтомологов при ленинградском Зоологическом институте. Там он получил разрешение на сбор коллекции насекомых. Сейчас в его коллекции семь тысяч экземпляров. Собирает Андрей не все подряд, а только то, что нужно для работы. Андрей подготовил две выставки своей коллекции. Одна шесть месяцев служила наглядным пособием для студентов сельскохозяйственного училища города Пушкина. Помогла коллекция и когда Андрей проводил для своего класса 10 уроков по зоологии по теме «Насекомые».

Андрей в гостях у «Зеленых страниц».

— У тебя живут дома насекомые, какие и зачем?

— Сначала я занимался пластинчатоусыми жуками: бронзовками, хрущами, навозниками, носорогами и другими. Потом увлекся саранчовыми. Как некоторые держат дома кошек, так у меня зимой и летом живет саранча. Сейчас у меня живут два вида саранчи и два вида армянских чернотелок. В аквариуме для них сделаны зоны песка, глины, обыкновенной земли, часть земли засеяна пшеницей. Кормлю их также рожью, капустой. Прокормить их трудновато, но зато они у меня размножаются в условиях неволи. Это важно для моих опытов. Один из видов этой саранчи никогда не пел в неволе, а у меня застрекотали — очень редкое явление. И долгожительность у них больше, чем

в природе. Но у меня другая задача. От слишком хорошей жизни они портятся, изнеживаются. А для моих опытов нужны были стойкие к плохим условиям насекомые. И вот я делаю им то дождь, то охлаждаю, иногда и не кормлю. От таких экземпляров я уже получил полноценные личинки, сейчас они почти взрослые. На них и ставлю опыты. Моя задача — получить в лабораторных условиях стадную фазу у тех саранчовых, у которых в природе стадности еще не было. Этот опыт поможет предсказать, при каких условиях в природе у них может возникнуть стадность.

— Это когда саранча становится опасной?

— Стадная саранча — это опасная саранча. Она уничтожает на своем пути все зеленое. В стадии неокрылившихся личинок саранчу еще несложно уничтожить. Но вот после линек окрылившаяся саранча начинает свой полет. Летают они страшно беспорядочно. От чего зависит направление их полета — пока загадка. Они могут ринуться в море или в пустыню на верную гибель... Были случаи, когда виды, обитающие в Южной Африке, долетали и до Финляндии. В нашей стране и в других странах существует служба прогнозов размножения опасных вредителей. Всю информацию о климатических условиях, исходном количестве вредителей и др. обрабатывают на вычислительных машинах в нескольких центрах. Зная прогноз, летящую тучу саранчи можно уничтожить разными методами. Один из них — биологический — это напустить на

саранчу стаю розовых скворцов, например.

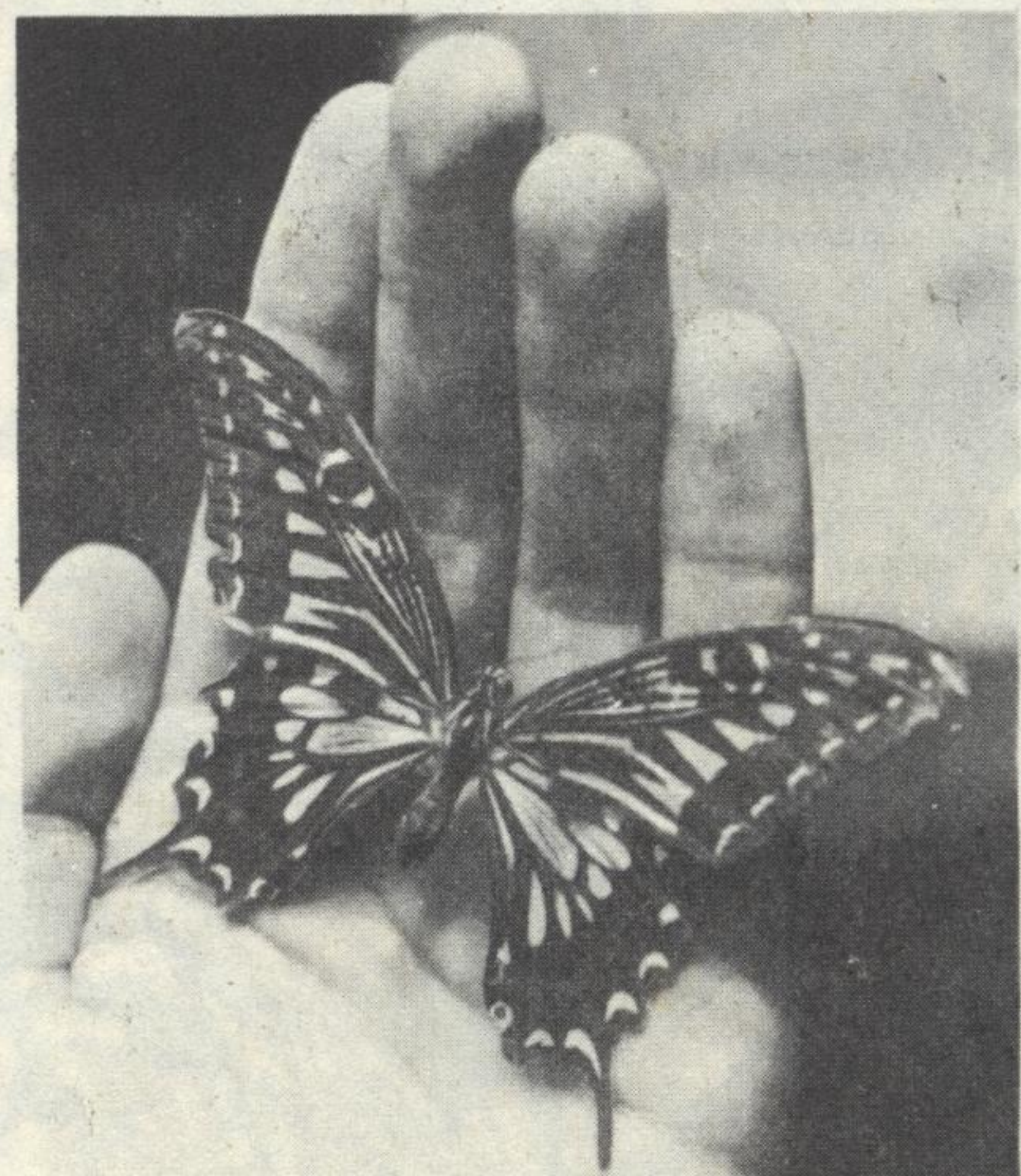
— Всякую ли саранчу нужно уничтожать?

— Нет, важно регулировать численность опасных видов, а не уничтожать во что бы то ни стало. Если истребить, к примеру, азиатскую саранчу, то нарушится равновесие в природе, могут погибнуть некоторые виды птиц, которые питаются этой саранчой. У нас в стране насчитывается более 700 видов саранчовых. Из них 10 видов дают стадность, т. е. опасны. А 25 видов саранчовых занесены в Красную книгу. В Ленинградской области обитают мелкие неопасные виды, обычно их считают за кузнечиков, а опасна только белополосая кобылка. Редких видов много. Толстун степной исчез, когда стали распахивать целинные степи, позже для него пытались создать микрозаказник.

— Чем могут помочь насекомым ребята?

— Охранять всех насекомых: и муравьев, и жуков, и бабочек, устраивать гнезда для шмелей, главное не давить никого, научиться наблюдать за ними. Однажды на моих глазах один мужчина в парке раздавил гусеницу. Это была грушевая сатурния — редчайший вид. И еще стал рассказывать о вреде от гусениц. Хотя сам оказался вредителем... Лучше охранять всех насекомых подряд.

Я командир «Зеленого патруля» района. Занимаемся охраной наших парков. А тем, кто интересуется насекомыми, я советую научиться их фотографировать, а также записывать, где, когда, при какой погоде он встретил какой-то редкий вид. Эти сведения можно присылать в Зоологический институт.

ВЕДЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

Оформление Т. Панкевич.

АВГУСТ

В разогретых травах до позднего вечера трещат кузнечики. На вырубках — розовая пена иван-чая. Пройдет дождь — и ему рады: к грибам... Но остывает лето. По утрам — холодные росы. Туманные ночи стали прохладными. Береза сережки осыпает — семена вызрели. Она первая и уронит желтый лист.

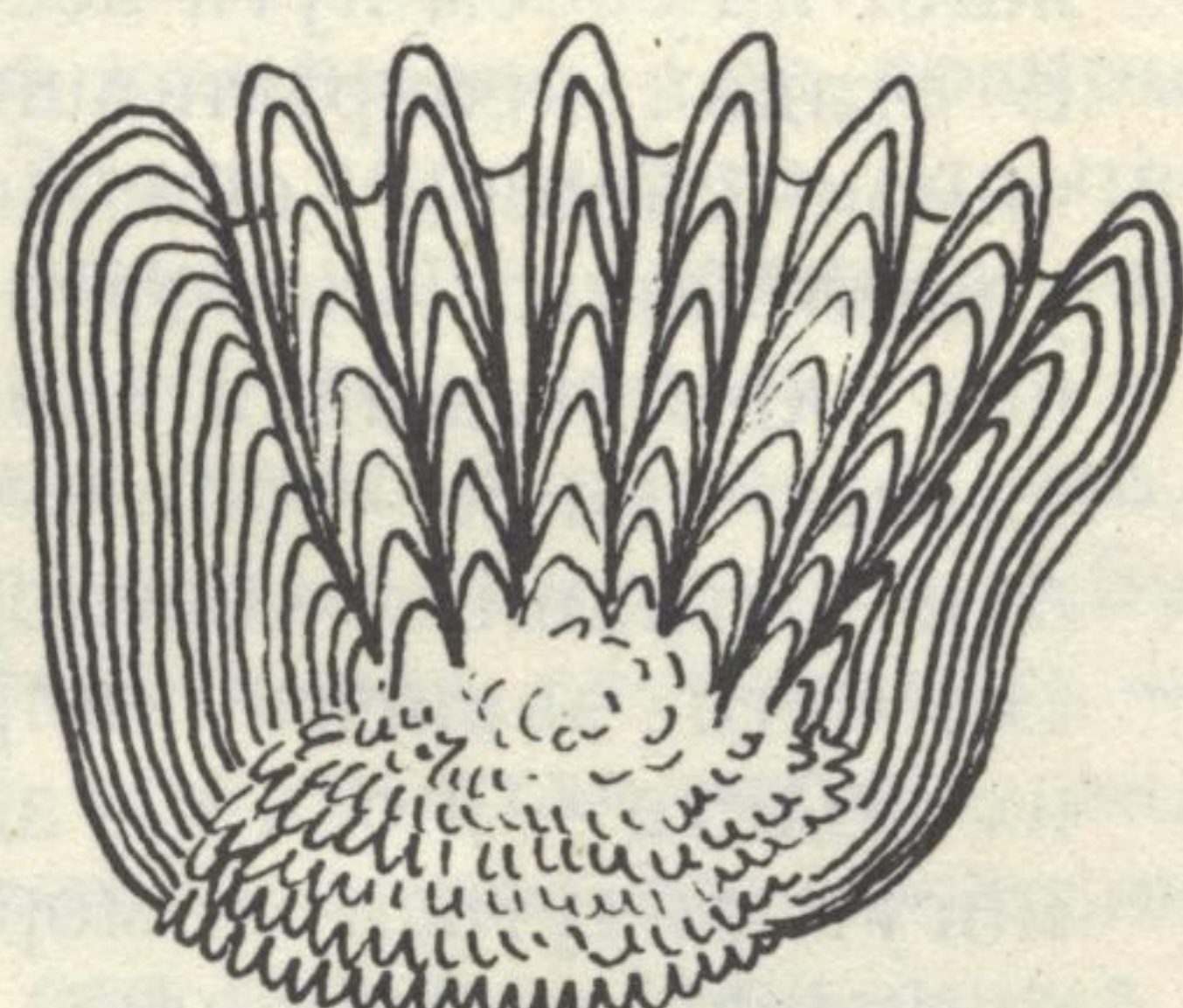
Зато ягод, грибов, фруктов — вдоволь. Потому и прозвали август — «густарь» — всего густо.

Смолкают в лесу птицы. Настало время сниматься с гнездовий. Улетают на юг стрижи, кукушки, ласточки.

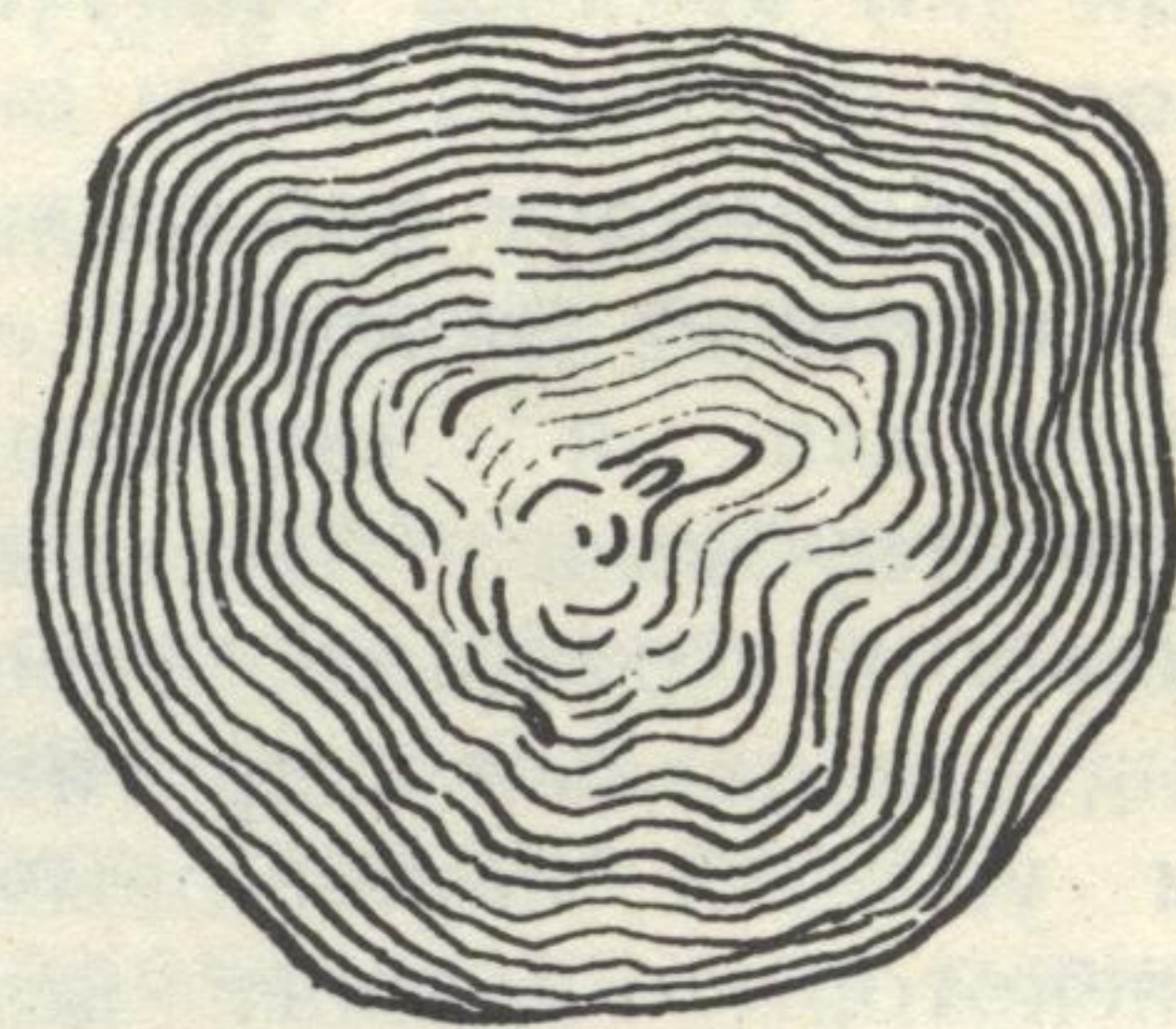
Исчезает надоедная мошкара. Запахом хвои, лиственной прели и грибов манит лето. Народная примета учит: «Появились опенки — лето отошло».

О рыбах Свири

Я занимаюсь в кружке юных ихтиологов Выборгского Дворца пионеров. Летом мы выезжали в экспедицию в Нижне-Свирский заповедник. Занимался я изучением ихтиофауны реки Свири и ее притока Сегежки. Надо было выяснить видовой состав рыб и сравнить заповедные и судоходные участки, как они влияют на обитателей Свири. Работники заповедника выделили нам лодку, орудия лова. Пойманных рыб мы изучали: определяли вид, по возможности фотографировали. Измеряли длину, вес, пол, возраст рыбы. Возраст определяли по чешуе. Брели по 2—3 чешуйки и рассматривали их под микроскопом. В водоемах Ленинградской области обитают рыбы с двумя видами чешуи: у рыб с циклоидной чешуей возраст определяли по годовым кольцам, а у рыб с ктеноидной чешуей — по числу выростов на этой чешуе.

КТЕНОИДНАЯ ЧЕШУЯ

ЦИКЛОИДНАЯ ЧЕШУЯ

В Свири я обнаружил и изучил 12 видов рыб из 5 семейств: окунь, судак, ерш, лещ, язь, щука, ладожский лосось. Встречались и редкие рыбы — угорь, елец, свирский сиг (он занесен в Красную книгу). В заповедных участках, конечно, рыбы лучше растут и размножаются. По просьбе работников заповедника я делал доклад о своих наблюдениях.

Юннат Гарвин Женя,
Ленинград

ЧТО? КАК? ПОЧЕМУ?

Во многих странах есть памятники собакам. Памятники коровам, к примеру, есть в Голландии, Дании, США и Румынии. Каждое животное имеет свои заслуги перед человечеством. А в Париже и Токио есть памятники... лягушке! Оказывается, много важных открытий в науке сделано именно на лягушках.

Советы юному садоводу

Земляника и вкусна и полезна. Разводят землянику усами. В первой декаде августа подготовь грядки для земляничной рассады, хорошо удобрить. Если на участке мало места, грядки можно разместить там, где уже убрал лук или чеснок. Со здоровых кустов нарежь розеток с зачатками корней, бери только самые сильные усы, остальные удаляй. Эти розетки высади рядами на расстоянии 15 на 15 см. Поливай обильно, рыхли. Следи, чтобы верхушечная почка не была засыпана землей.

Через 20—30 дней рассада даст хорошую мочку. Ее можно высадить на постоянное место. До наступления холодов она успеет укорениться.

А на следующий год собирай урожай.

В. НИКИФОРОВ

Чтобы сохранить редкий вид, иногда можно для этого одомашнить животное. Так поступили и с игуаной — крупной древесной ящерицей, которой грозило исчезновение в джунглях Южной Америки. Жители индейских общин согласились разводить игуан, как разводят кроликов или куриц. Тем более, что мясо игуан они охотно употребляли в пищу.

Красный крест — символ медицины — это знают все. Многие знают, что синий крест — знак ветеринарной службы. А зеленый крест? Он объединил агрономов, летчиков, ботаников, энтомологов, метеорологов, вирусологов, химиков. Зеленый крест — это служба защиты растений, лесов, сельскохозяйственных культур от болезней и вредителей.

ПТИЧЬИ ШУТКИ

РАССКАЗ-ЗАГАДКА

Болото тихим не бывает, особенно ночью. Хлюпает, ухаёт, трещит, чавкает. Слышал я, как там блял ягненок. Как он туда попал, бедненький. Водится и какой-то водяной бык — как заревет: не то «бу-у», не то «му-у»... Бежишь, не оглядываясь, подальше. А лесом идти тоже страшно. Вдруг как заорет с дерева кошка, противным пронзительным голосом... Потом рассказываю о них, а надо мной смеются: «Нет там ни быков, ни ягнят, ни кошек, — это все птицы шутят». Ну и шутки у этих птиц! И как это у них получается? А вы, ребята, знаете?

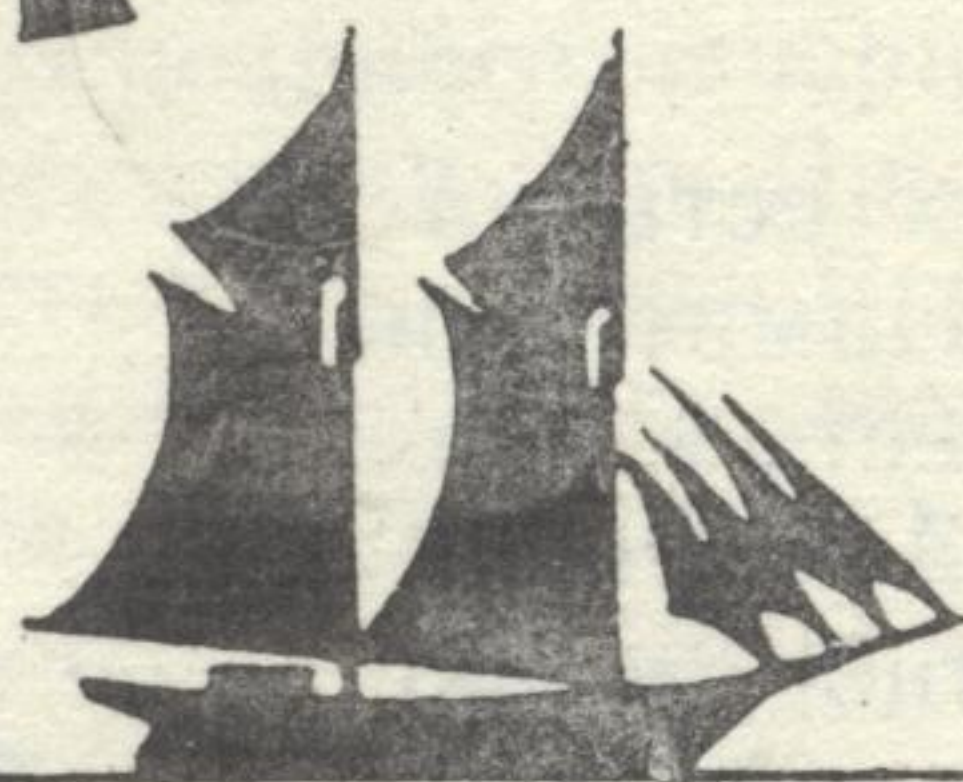
Ответ на загадочный рисунок в № 5 «Какая птица здесь устроилась?» — Дятел.

Ответ на загадку в № 6 «Назови этих животных» — 1 — дронг, 2 — тур, 3 — квагга, 4 — странствующий голубь.

Материалы подготовила
Н. ИВАНОВА

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Оформление
Л. Московского

В этом году исполнилось 50 лет со дня начала героической зимовки на Северном полюсе отважной четверки: Папанина, Кренкеля, Федорова, Ширшова. В большой и интересной биографии Ивана Дмитриевича Папанина, дважды Героя Советского Союза, контр-адмирала были удивительные истории. Одна из них случилась в гражданскую войну... Был тогда Иван Дмитриевич совсем молодым...

Шел 1919 год. Крым был занят белыми войсками барона Врангеля. Но в тылу врангелевцев сражались красные повстанческие отряды.

Однажды в лагерь, где жили бойцы отряда Крымской повстанческой армии, прибежал вестовой.

— Папанин! Где тут Папанин?! — кричал он. — Командующий вызывает. Быстро!

Папанин натянул сапоги и бегом в штаб. «Ну, — думает, — раз сам командующий, значит, дело серьезное...» А в штабе ему дают пакет. В пакете — срочное донесение о положении дел в Крыму. И доставить пакет нужно на Северный Кавказ, к товарищу Фрунзе...

По суше не добраться, схватят белые. Значит, одна дорога — морем. Получил Папанин оружие и деньги — пять тысяч рублей.

Но легко сказать, доставить пакет. Ни одно суденышко не уходило от берегов Крыма без того, чтобы не обыскивали его врангелевцы...

И тогда Папанин пошел на хитрость. Надо сказать, Папанин знал неплохо турецкий язык. И это ему пригодилось. Прислушался: о чем говорят матросы со шхуны. Точно: контрабандисты. Возят, что ни попало. А в этот раз груз у них законный — пшеничную муку в Турцию взяли доставить...

Отвел Папанин в сторонку капитана шхуны и давай его уговаривать: чтобы взял с собой. Капитан за тысячу рублей согласился. Решили спрятать Папанина в мешок с мукой. Сказано — сделано. А ночью слышит Папанин: по

палубе солдатские сапоги затопали. Врангелевцы груз проверяют. Но ничего, мешки в трюме осмотрели, ощупали, Папанина не нашли. А утром шхуна уже в открытом море была. Выбрался Папанин из мешка. Муку отряхнул. Отсчитал капитану тысячу рублей. А оставшиеся деньги в карман спрятал. Однако контрабандисты эти деньги заприметили. Стоит Папанин возле борта, на волны смотрит и слышит: матросы по-турецки говорят капитану: «Видал, сколько у него денег? Давай отберем, а самого в море бросим...» Матросы-то не знают, что Папанин понимает по-турецки... А Папанин думает: «Ну, конец пришел. Я один, а их — десять...» Вдруг мотор у шхуны заглох. Стали контрабандисты возиться с мотором. Папанин смекнул: «В моторах я кое-что кумекаю. Попробую помочь... А там видно будет». Нашел неисправность. Затарахтел мотор. Но Папанин возле мотора крутится. Делает вид, что неисправность серьезная. И контрабандистам говорит: «Нельзя отходить. Заглохнет снова мотор. Буду вам за мотором следить...» Те поняли, что выгоднее пока в покое его оставить... Так четверо суток и проторчал Папанин возле мотора. На четвертые сутки засинело на горизонте — горы показались — турецкий берег. Капитан шхуны повеселел, кажется, забыл, что они Папанина хотели за борт выкинуть.

— Оставайся, — говорит, — с нами... Очень ты хороший мастер насчет моторов...

Пожалуй, и не шутил капитан. Но только Папанин, как шхуна подошла к берегу, сразу шапку в руки и — прощай! В ближайшем порту разыскал буксирчик, который шел в Новороссийск. Оттуда — в штаб, к товарищу Фрунзе. Передал ему пакет. Фрунзе прочитал и говорит: «Очень важное вы донесение нам доставили, товарищ. Теперь нам силы белых в Крыму ясны. Спасибо! Скоро будем брать Крым!»

И крепко пожал Папанину руку.

С пакетом
к товарищу
Фрунзе

Спрашиваем - отвечаем

— В мартовском номере «Морская газета» написала про женщину-капитана Анну Ивановну Щетинину. А есть еще у нас женщины-капитаны?

Люда Щеглова,
Ленинград

— Да, Люда, есть. С одной из них, Евгенией Петровной Горленко, мы познакомились. Живет Евгения Петровна в Ленинграде. Вот что она о себе рассказала...

— Капитаном дальнего плавания я, конечно, стала не сразу. Сначала поступила в мореходное училище во Владивостоке. И работала — матросом, четвертым, третьим и вторым помощником капитана. А диплом капитана получила в 1945 году...

Однажды во время стоянки в бельгийском порту Остенде прочитала я в местной газете, которую доставили на корабль, что впервые за всю историю существования порта корабль привела женщина-капитан. И когда корреспонденты пришли ко мне и тоже удивлялись, я им сказала: «В нашей стране для женщины открыты все дороги, есть у нас и женщины-летчицы, и депутаты Верховного Совета, и директора больших заводов. Почему же не быть и капитану?»

Фото Б. Гесселя

Человека, которого сфотографировал наш фотограф у причала Ленинграда, зовут Георгий Павлович Добров, а собаку его — Сокол. Георгий Павлович — ветеран войны, а еще он капитан небольшой яхты. Яхта эта пришла в Ленинград из... Новосибирска. Вот это смельчаки, вот это путешественники! Ведь плыть им пришлось северными морями!

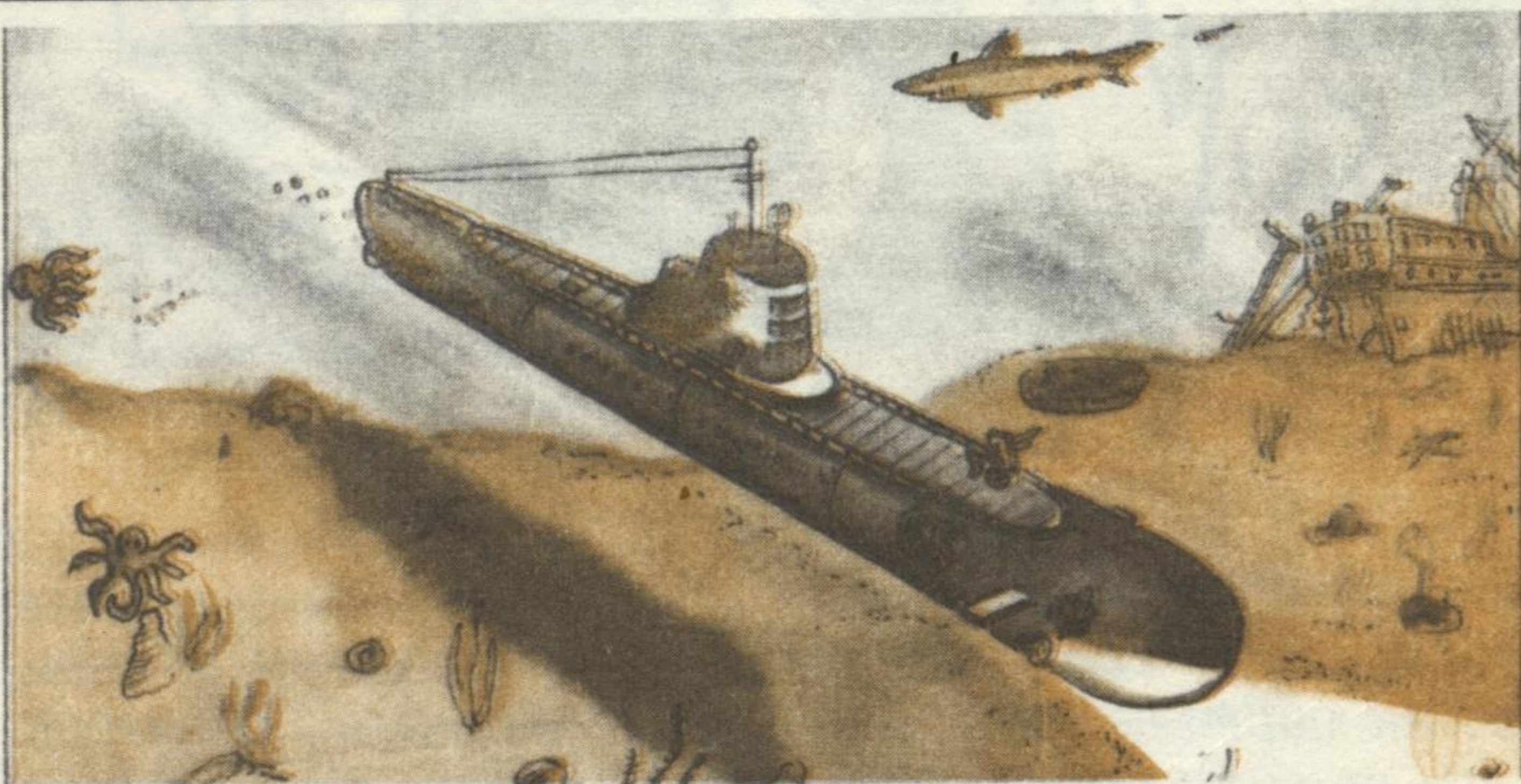
— Сколько вам было лет, когда вы впервые стали управлять парусом? — спросили мы Георгия Павловича.

— Шесть! — ответил он. — В шесть лет я самостоятельно ходил на яхте. Вот какой человек!

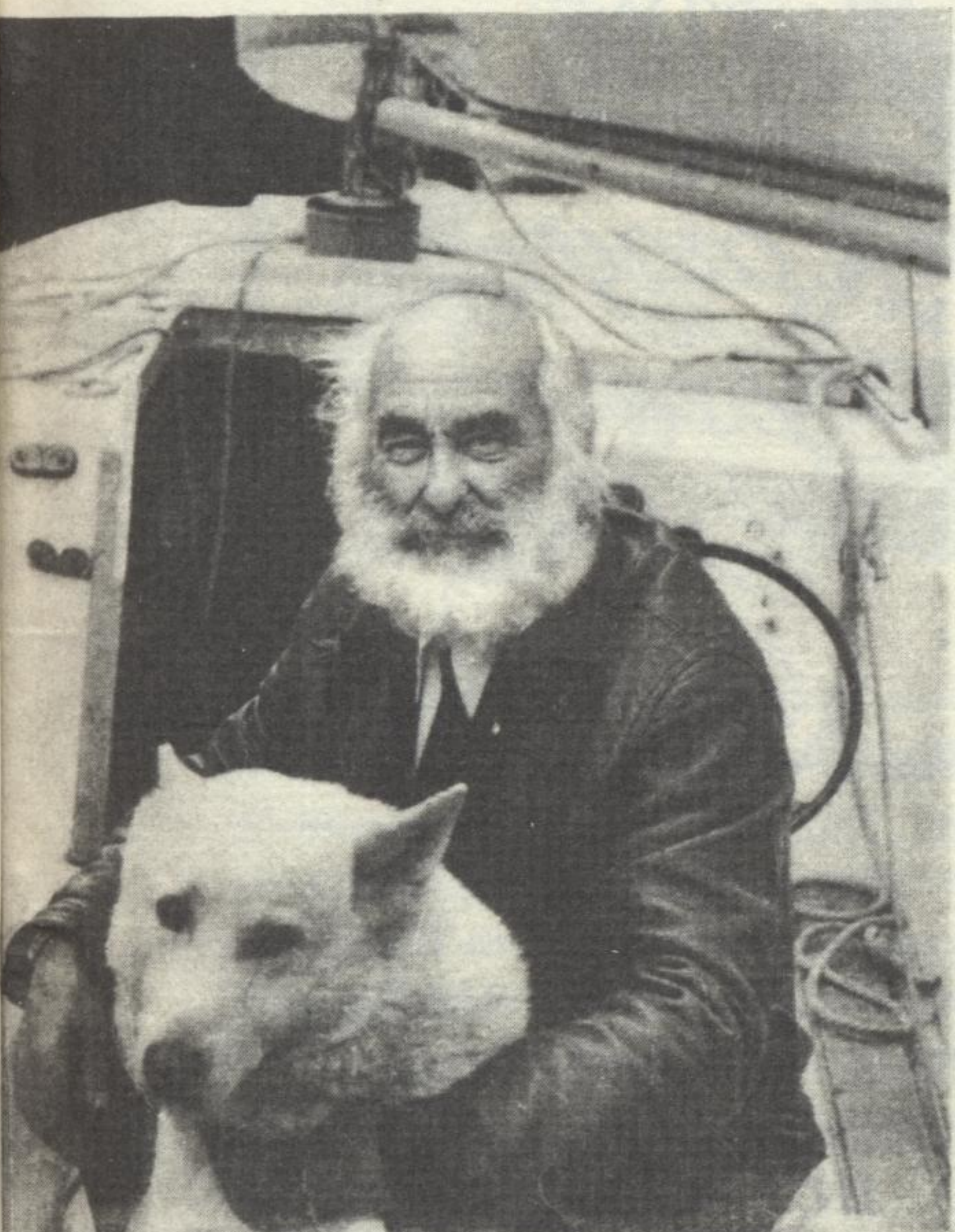
С ВЫСТАВКИ
ПИНГВИНА

ПОДВОДНАЯ
ЛОДКА
Денис Нешенко,
Ростов-на-Дону

ЗАГАДОЧНЫЙ РИСУНОК

Художник нарисовал несколько специальных судов, занятых работой. Не напутал ли что-то художник?

Весёлые Звонки

Составил и оформил Л. Каминский

Как бороться с вредителями

Нам сказал Пал Петрович по природоведению,
Чтоб мы приняли к сведению,

Что некоторые жуки,
А также гусеницы и червяки —
Страшно вредные для огорода
И что вредителей такого рода
Нужно систематически истреблять —
Например, специальным
химическим порошком отравлять.

Я тогда говорю:
«Да за что же?!
Вот ведь Жанка Печенкина — вредная тоже,
Даже еще вредней! —
Уж такой характер у ней.
Но ведь Жанку-то мы вовсе не истребляем,
Мы ее наоборот — исправляем:
Прорабатываем на активе
И перевоспитываем в коллективе».

И все закричали:
«Не будем жуков отравлять,
А только перевоспитывать и исправлять!»

Марина БОРОДИЦКАЯ

„Что-то“

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ
ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

В заповеднике жи-
вут звери, которые
уже

вымерли.

На ветке сидела
зёрная
птица
с белой грудкой
на спине.

В болоте
растут камыши
и лягушки.

Дятел уселся и
стал грызть
дерево.

В саду росла
лопуха, при-
вольно развесив
уши.

ПРИСЛАЛИ: ЛЕНА ФИРSOBA (СЕЛО
ПЕРВОМАЙСКОЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ),
МАША МАТВЕЕВА (Г. ПЕТРОЗАВОДСК),
ИННА ГЛУШАК (ПОС. БАРСУКОВКА
КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛ.), СЛАВА
СТЕНИН (Г. ВОЛЬНОГОРСК ДНЕ-
ПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛ.), МАША ПЕ-
ТРОВА (Г. КУЙБЫШЕВ).

Вроде о природе...

Алла Александровна принесла в класс стопку тетрадей и сказала:

— Я сейчас вам прочту некоторые ваши сочинения на тему «Как нужно охранять природу».

Учительница открыла первую тетрадь и прочла:

«Много раз я видела, как некоторые люди ломают деревья. Зачем их ломать, когда есть пила?»

И все засмеялись!

Сергей Махалов,
Фролово
Волгоградской обл.

Когда учительница рассказывала о злаках, Семенов оживленно разговаривал с соседом по парте.

— Встань, Семенов,— сказала учительница,— и скажи, какие виды злаков ты знаешь?

Вопрос застал Семенова врасплох. Он обернулся, прося подсказки.

— Рожь, пшеница...— подсказали ребята.

— Рожь, пшеница,— повторил Семенов, а потом добавил: — ...вермишель!

И все засмеялись!

Лена Кокорина,
7 класс,
Хабаровск

На уроке ботаники мы изучали «Питание растений». Вдруг учительница обратила внимание на двух учеников, которые что-то с аппетитом жевали. Она подошла к ним и сказала:

— По-моему, мы сегодня проходим питание растений, а не людей!

И все засмеялись!

Таня Воронина,
6 класс,
пос. Железный
Краснодарского края

Шел урок природоведения. Людмила Павловна спросила Женю:

— Расскажи нам, пожалуйста, как лесные животные готовятся к зиме?

Женя немного подумал, потом ответил:

— Они запасают корм и сбрасывают шкуру...

И все засмеялись!

Алеша и Женя Пик,
Называетск
Омской обл.

Будем слушать диалоги

— Почему ваша команда проиграла в футбол?

— Потому что мяч был не за нас!

— Видел, какие у Пети кроссовки?

— Подумаешь, у меня лучше: на них даже по-импортному написано!

В трамвае:

— Мальчик, а разве вас не учат в школе, что нужно уступать место старшим?

— Не учат. У нас каникулы.

В походе:

— Как тебе не стыдно: Аня такая маленькая, а несет твой рюкзак.

— Это я ее приучаю к труду!

Прислали:
Андрей Зубарев /Рязань/,
Яна Быстрицкая
/Тула/,
Асмик Григорян
/Ереван/,
Лариса Слободчикова
/Братск/.

Трижды салют участникам финальных сражений в Чемпионате АРЧЕБЕКА!!!

Условия финала. Состоится три тура: в №№ 8 и 9 — разрядные, в № 10 — призовой. Выполнить норму и получить спортивный разряд можно в разрядных турах (12 заданий по 10 очков). Набрать нужно: для 4-го разряда — 80, для 3-го — 100, для 2-го — 120. Льгота: не добравшие до нормы 10 очков смогут попытаться возместить их в призовом туре. Чемпионы и призеры определяются по сумме очков за весь финал.

Обязанности участников. Писать рапорты четко, аккуратно и полно с разбором всех лучших защит и важных вариантов. Дополнения и поправки приниматься не будут. Отправлять рапорты письмом, указывая на конверте (в левом углу) номер тура и свой новый пароль.

Что делать с полученным от Ферзьбери конвертом? Крупно и ясно написать на нем собственный адрес (а не адрес «Костра»!), сложить пополам и вложить в письмо с рапортом — в этом конверте шахмат-адмирал пришлет сообщение о набранных очках.

Успеха вам, доблестные разведчики АРЧЕБЕКА!

ФИНАЛ — 1-Й ТУР

ШАХМАТЫ.

А. (Н. ван Дейк). Белые: Крh5, Фе5, пп. с7, г6; черные: Крд7, пп. г7, h6.

Б. Белые: Крf5, пп. f6, h7; черные: Крh8.

В. (Л. Куббель). Белые: Крf3, Лf1, Сd2; черные: Крh2, Се3, п. h3.

Г. (И. Шиндлер). Белые: Крh1, пп. f5, g3, г6, h5; черные: Крг5, пп. а7, г7.

Д. (Л. Куббель). Белые: Кра4, Сb7, п. d6; черные: Кре2, Сg8, Кс4, Кf5.

Е. (Л. Залкинд). Белые: Крc1, Лh7, пп. b2, b7; черные: Кра7, Кг2, п. а2.

Цель разведки. А — объявить черному королю мат в 3 хода; Б, В — в 5 ходов; установить, могут ли белые в Г выиграть, в Д, Е — свести игру вничью.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. (В. Ячейкин, Киев). Белые: а1, с7, d6, e1, e7; черные: с3, e3, e5, f4, f8, g5.

Б. (В. Ячейкин). Белые: а1, с3, с5, f2, h6; черные: а3, а5, а7, e5, f4, g5.

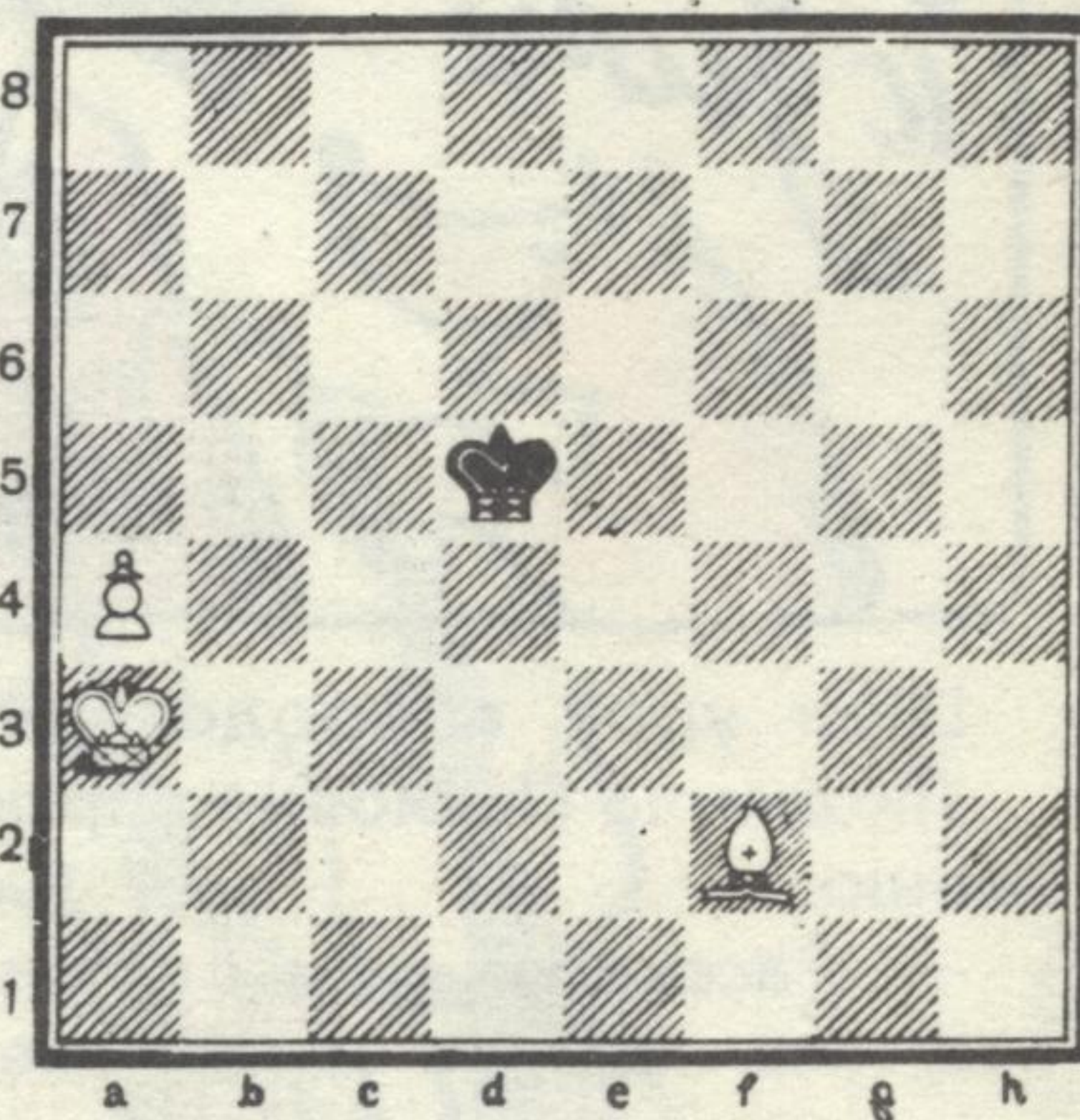
В. (В. Ячейкин). Белые: e7, g1, g5, h2; черные: с5, e3, f4, g7, h6.

Г. (И. Козлов). Белые: b2, c1, e3, f4, g5, h4, h6; черные: b4, b6, с5, с7, e7, f6, f8.

Д. Белые: а1, b2, d2, e1, e3, f2, g1; черные: b4, с5, с7, e7, f4, g5, h6.

Е. (М. да Сильва). Белые: Д. g1, пр. а5, f4, h4; черные: Д. с7, пр. d6, f8, h8.

Цель разведки. А — ход черных, хорошо ли им пойти 1... ed2? Б — ход черных, хорошо ли им пойти 1... b2? В — ход черных, что для них лучше: 1... b4? Или 1... d4? Или результат будет

одинаковый? Г, Д, Е — указать белым путь к победе.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. (П. Фауре). Белые: Д. 50, пр. 26, 49; черные: пр. 34, 38.

Б. (П. Сонье). Белые: пр. 9, 10, 40, 44, 49; черные: Д. 11, пр. 32, 35.

В. (Л. Далман). Белые: 27, 28, 30, 32, 33, 39, 40; черные: 8, 11, 12, 16, 19, 23, 24.

Г. (А. Иванов). Белые: Д. 1, 27, пр. 39; черные: пр. 6, 20, 25, 45.

Д. (Г. Бетс). Белые: 21, 31, 47; черные: 32.

Е. (В. Монсма). Белые: 26, 27, 28, 33, 37, 44; черные: 8, 11, 16, 18, 19, 39.

Цель разведки. А, Б, В, Г, Д, Е — определить результат белых (выигрыш? ничья?).

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Крд6, п. e5; черные: Кре8. Ты командуешь белыми, твой ход. Не торопись, подумай, как следует, и пойди так, чтобы твоему противнику пришлось сдаться. Ясно? Выполняй!

ТЫ САДИШЬСЯ ЗА ДОСКУ

Пусть в твоей партии возникло окончание, как на диаграмме. Твои белые. Ты знаешь, что ладейная пешка, когда поле ее превращения белое (тут — а8), и король противника может его занять, не пройдет в ферзи даже с помощью слона, если он чернополюсный (т. е. ходит по черным полям, как здесь). Ты расстроен: такое преимущество и только ничья!

Однако подожди отчаиваться: черный король еще не в углу и есть возможность не пустить его туда. Смотри — 1. а5 Крс6 2. а6 Крс7 3. Са7! Теперь словно колючая проволока преградила черному королю дорогу к а8! 3... Крс6 4. Крb4 Крс7 5. Крс5 Крс8 6. Крс6, и победа тебе обеспечена! Запомни этот прием.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 5 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Лс8 Крf1 2. Кf3b3 3. Лс1+ (или 2... Крг2 3. Лг8+, или 2... h2 3. К:h4). Б. 1. Лb7+ Крс8 2. Лb5! — ничья.

РШ. А. 1. b6! 2. e5! 3. с3X. Б. 1. g5! f4 2. g3! h2 3. f2X.

МШ. А. 1. 44! 2. 31! 3. 4 26 4. 15!X. Б. 1. 44! 2. 23! 3. 41 4.31X.

Резерву. 1. Фb8+! — ничья!

ПРИКАЗ № 8

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отправить рапорты в течение месяца со дня получения журнала.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

ВЕСТИ СО СТАДИОНОВ МИРА

Очередная встреча юношеских команд СССР и ГДР по легкой атлетике закончилась победой советских спортсменов. Победительницей по прыжкам в длину стала чемпионка «Кузнечика»-87 Наташа Бузуй. Результат Наташи — 656 см.

Германская Демократическая Республика, город Карл-Маркс-штадт

ЖЕЛЕЗНОГОРСКИЙ «КУЗНЕЧИК»

Так называются традиционные соревнования юных прыгунов в высоту, которые проводятся в нашем городе.

Специалисты считали, что в этот раз вместе с хозяевами за победу будут бороться команды Москвы, Саранска, Курска. И — приятная неожиданность: очень сильная команда приехала из маленького поселка Навля Брянской области.

Кузнечики этого поселка — Галя Лукина, Володя Зуев и Лена Кондрашина прыгали лучше своих сверстников и уверенно заняли первые места.

Хочется сказать и о самой организации турнира. Он продолжался два дня. В первый день все мальчишки и девчонки боролись за право выступать в финале. От каждой возрастной группы в финал допускались двенадцать лучших. Мне думается, такая форма соревнований делает их более интересными и праздничными.

Г. ГЕРАЩЕНКО,
главный судья
соревнований

Железногорск
Курской области

Рисунок
М. Беломлинского

Первый перелет из Англии на материк через Ламанш на аэростате был, конечно, подвигом, но... в последнюю минуту аэронавты растерялись и в кабину их усаживали насильно. На полпути шар стал падать. За борт полетели вещи. Во Франции аэронавты приземлились полураздетые.

Японцы, чтобы не обидеть собеседника, избегают говорить «нет».

- Для меня есть письма?
- Да.
- Какие?
- Никаких.

Известна шутка, что от холода зимой дни укорачиваются, а летом от жары нагреваются и становятся длиннее. Известный ученый Бутлеров однажды спросил студента:

— Какая разница в действии тепла и холода?

Тот, посмеиваясь, привел как раз этот пример. Бутлеров засмеялся и поставил ему «отлично». Студентом был будущий академик Вернадский.

ПОДВОДНЫЙ САДИК можно устроить в большой банке или в аквариуме. Но красивее всего он выглядит в круглом аквариуме. Зимой, когда за окном снег, нас особенно радуют комнатные цветы. А подводный сад еще радостнее и ярче, он похож на блестящую переводную картинку. И сухой воздух в комнате будет увлажняться. Водные растения для такого садика можно купить в магазине «Природа».

Но не случайно я пишу про садик летом, когда можно найти растения в природе.

Все знают **КУБЫШКУ ЖЕЛТУЮ**. Только поищи молодой, небольшой экземпляр, подходящий для твоего сосуда. Часто встречается водяной мох — **ФОНТИНАЛИС**. «Елочки» — **ПЕРИСТОЛИСТНИК** и **РОГОЛИСТНИК**, стебли **ЭЛОДЕИ** со светлыми сочными зубчиками листьев не обязательно сажать в грунт. Маленькая веточка, плавающая в воде, на свету начинает быстро разрастаться. Годится для аквариума и «лягушатник» — **ВОДОКРАС**. В природе зимующие почки этого растения опускаются на дно, а летом всплывают. Поэтому осенью, когда листья водокраса в твоём садике пожелтеют, собери его округлые почки и поставь в банке с водой недели на две в прохладное место /1—4 °/. После этого почки снова можно поместить в подводный садик. Я перечислила только некоторые растения средней полосы. А ты можешь расширить свои познания, найдя и определив другие растения. Проще всего принести домой растения в полиэтиленовом мешке.

Теперь приступим к устройству садика. Твою композицию определяют имеющиеся растения. Постарайся посадить их, сочетая форму и цвет. На дно сосуда положи смесь песка и глины, поверх — слой песка. Посадив растения, осторожно, чтобы не размыл грунт, наливай воду. Можно поверх растений положить лист бумаги, а воду лить из кружки на бумагу. Теперь уложи дно красивыми камешками, галькой, ракушками. Для роста растений нужен свет. Но если поставить сосуд на летнее солнечное окно или ярко осветить лампой — стенки покроются зеленой пленкой — нитчатыми водорослями.

Я очень удивилась, когда в редакции сказали, что мне пришла посылка, а в ней... камни. Но оказалось, что камни эти необычные. Нина Латункова из Северодвинска пишет: «Дорогая Маша! В июне я была на море и привезла своим друзьям маленькие южные СУВЕНИРЫ ИЗ МОРСКОЙ ГАЛЬКИ. Я разрисовала их темперой и покрыла лаком».

Спасибо, Нина, что считаешь меня своим другом. И за подарок спасибо.

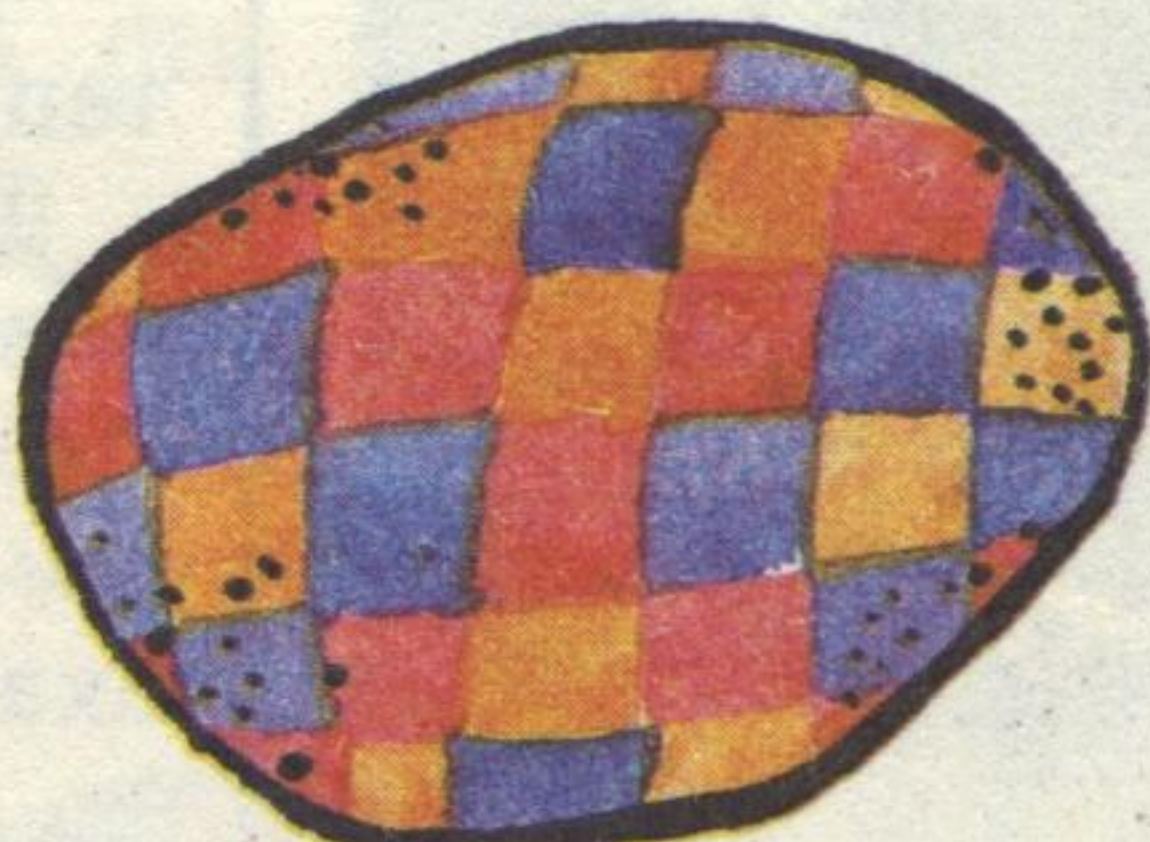
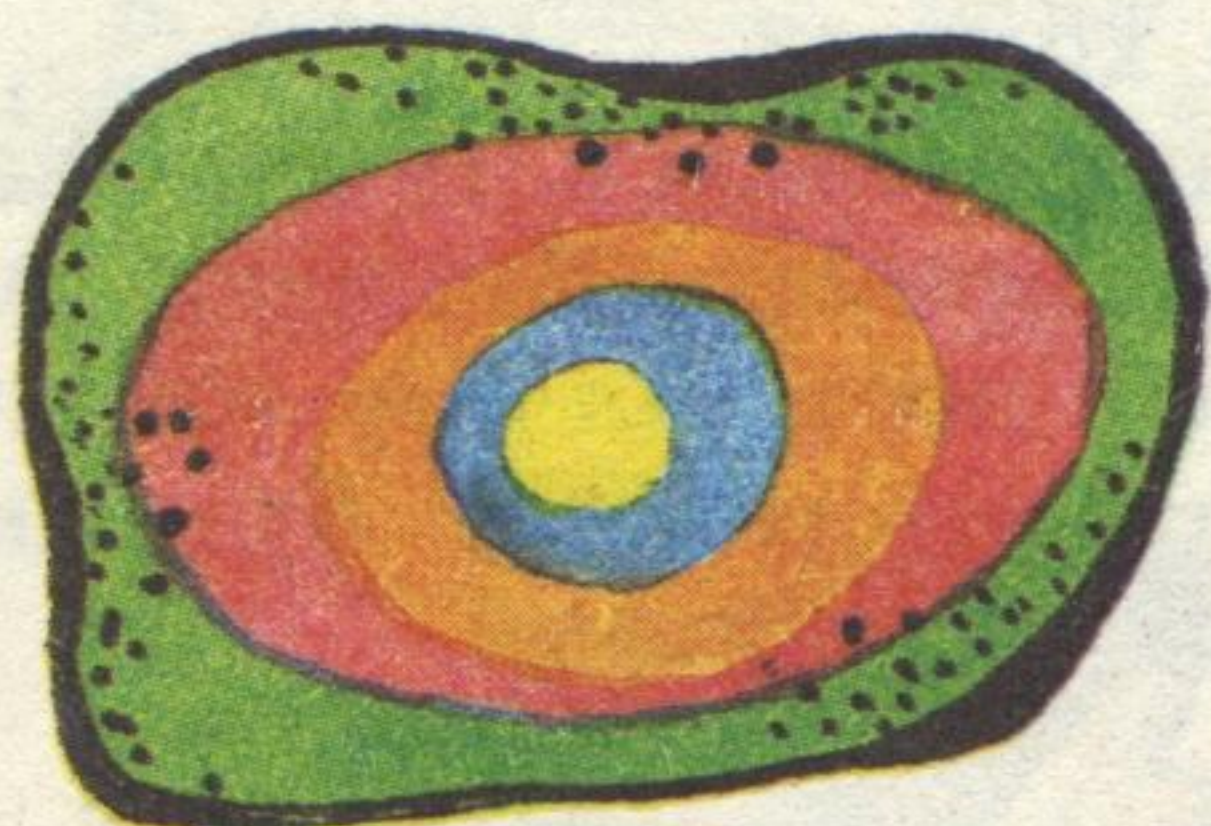
Аня Семейко из Донецка пишет, что у них в саду растет очень много роз и спрашивает, как варят **ВАРЕНЬЕ ИЗ ЛЕПЕСТКОВ РОЗЫ**.

— Лепестки /100 г/ засыпают сахаром /400 г/ и оставляют на двое суток. В сваренный сироп /0,5 кг сахара — 0,5 стакана воды/ кладут засахаренные лепестки, добавляют 1 г лимонной кислоты и варят 10 минут.

Саша Павлова из Кургана спрашивает, что такое **ТАРТИНКИ**.

— Горячий бутерброд. На поджаренный ломтик хлеба укладывается жареная котлета, колбаса, говядина, яичница. Если ты изобретательна, можешь смазать хлеб соусом, положить сверху кружок огурца или помидора, украсить поджаренным луком и посыпать нарезанной свежей зеленью. Можно на тартинку положить целую веточку петрушки. Посыпать тертым сыром и ненадолго поставить в духовой шкаф.

Рисунки Т. Петуховой

КОНКУРС! КОНКУРС! КОНКУРС!

Внимание! Жюри Клуба «За семью печатями» приняло решение провести в 9 и 10 номерах журнала этого года два дополнительных тура. В них те любители головоломок, которые не сумели ответить на некоторые задания Конкурса-87, могут попытаться набрать нужные для победы очки. А сейчас — 8-й тур!

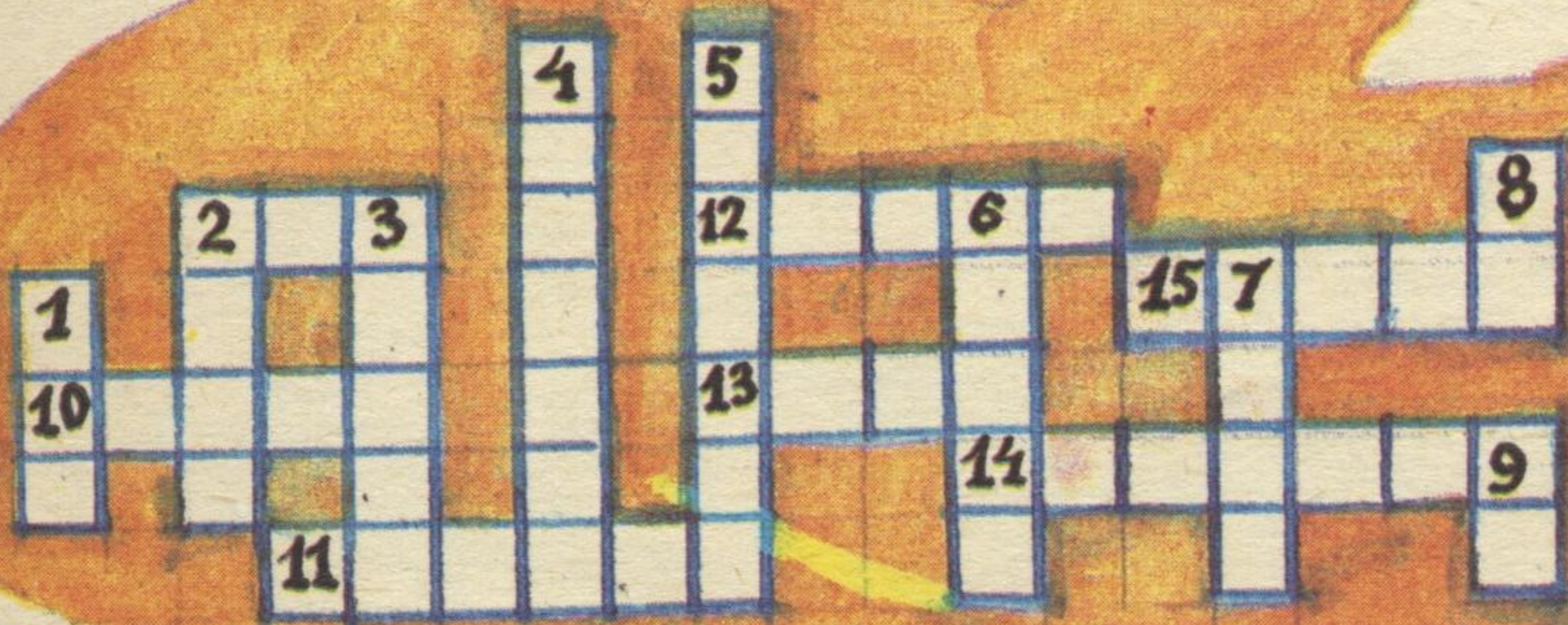
ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОФЕССОРА СИНИЦЫНА

Профессор Синицын прислал в Клуб непонятное письмо. Вместо букв в нем были только цифры: 1 2 3 4 5 6 7 8 7 9 5 1 2 3 10 11 2 7 6 2 12 1 13 10 11 1 14 15 13 16 7 1 10 3 17.

И лишь найдя на обороте письма ключевые слова, жюри догадалось, что это криптограмма. Подставив вместо цифр буквы в эти ключевые слова, вы сможете прочитать и само послание профессора Синицына.

- I. 14 8 13 — углубление в земле.
 - II. 16 13 9 17 13 — северная птица.
 - III. 4 3 2 7 10 — очень тихий голос.
 - IV. 7 1 11 — прямая с указанным на ней направлением.
 - V. 5 15 12 16 5 8 — что-то очень редкое, единственное в своем роде.
- 15 очков.

ОТВЕТЫ
НА
ЗАДАНИЯ
№7

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Сергей Козинцев из Кременчуга прислал нам кроссворд в форме рыбы.

По горизонтали: 2. Членистоногое животное, живущее в реках и озерах. 10. Волшебное слово в сказке «Али-Баба и сорок разбойников». 11. Хвостатое земноводное. 12. Лазящее растение. 13. Хвойное дерево. 14. Прыгающее сумчатое. 15. Птица, живущая в норах.

По вертикали: 1. Жалящее насекомое. 2. Красивый душистый цветок. 3. Кровососущее насекомое. 4. Гиппопотам. 5. Птица, у которой под клювом есть мешок. 6. Млекопитающее семейства куных. 7. Могучее хищное животное. 8. Насекомоядное. 9. Неядовитая змея.

5 очков.

Путешествие профессора Синицына
Профессор Синицын и его друг находились на Северном полюсе.

Конкурс кроссвордов

1. Хата. 2. Брем. 3. «Хамелеон». 4. Гном. 5. Дели.

Превращения слов

Дым-дом-док-бок-бак-бал-вал-вар-пар.

Оформление А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-26194. Сдано в набор 06.04.87. Подписано к печати 16.06.87. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 1 160 000 экз. Заказ 2549. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

1. Какие грибы чаще всего можно тут встретить?
2. Кто повесил этот гриб на сучок?
3. Почему среди рисунков с грибами оказалась эта банка?
4. Обученные свиньи и собаки помогают человеку искать какие грибы?
5. «Были грибы как кораллы, оленьи рога, петушиные гребешки, прозрачные, как веточки...» О каких грибах наших лесов это написано?